

Николай
МАЛЬЦЕВ

ЗАРУБКИ
ПАМЯТИ НА
СКРИЖАЛЯХ
ИСТОРИИ

АЛГОРИТМЫ И РЕБУСЫ
РУСОФОБИИ ЗАПАДА

Николай Мальцев

**Зарубки памяти на скрижалях
истории. Алгоритмы и
ребусы русофобии Запада**

«Автор»

2016

УДК 94
ББК 63.3

Мальцев Н. Н.

Зарубки памяти на скрижалях истории. Алгоритмы и ребусы
русофобии Запада / Н. Н. Мальцев — «Автор», 2016

ISBN 978-5-906861-93-1

Мало кто знает, что во времена, предшествующие царствованию Петра I, на Руси был свой календарь и свое древнерусское летоисчисление. Но в 7208 г. царь своим указом выкинул из древнерусского календаря 5508 лет и ввел христианское летоисчисление по западноевропейскому образцу. По логике здравого смысла, не может быть такого, чтобы предыдущее летоисчисление в 5508 лет имело место в реальной истории, но не имело под собой никаких исторических фактов. Современной наукой, к примеру, признается, что цивилизация Египта – одна из самых древних человеческих цивилизаций. Однако древнеегипетский календарь практически на два тысячелетия «моложе» древнерусского календаря. К большому сожалению там, где начинается официальная, признанная наукой история Древней Руси и русского народа, там здравый смысл не работает. Чтобы исправить ситуацию Н. Мальцев предлагает читателю не подлинник реставрированной истории, но ее авторскую реконструкцию.

УДК 94
ББК 63.3

ISBN 978-5-906861-93-1

© Мальцев Н. Н., 2016
© Автор, 2016

Содержание

Предисловие	6
Часть I	9
Глава 1	9
Годы детства и юности	9
Чему меня научила деревенская школа	10
На перепутьях судьбы	15
Безальтернативный выбор между тюрьмой и учебой	18
Глава 2	23
Наработка индивидуальных методов накопления	23
технических знаний	
Год безмятежного счастья	27
Предвестие трагедии	30
Хроника преступления	37
Глава 3	41
Развязка событий	41
Общественный суд	42
Отложенное наказание	45
Обзор жизненных событий	50
Глава 4	52
Разочарование в фундаментальных законах	52
Тайна гениальности Ньютона	54
Конец ознакомительного фрагмента.	56

Николай Мальцев
Зарубки памяти на скрижалях истории.
Алгоритмы и ребусы русофобии Запада

© Мальцев Н.Н., 2016

© ООО «ТД Алгоритм», 2016

* * *

Предисловие

Пока я пишу эти строки, по христианскому календарю на дворе стоит прохладный май 2016 года. Мало кто помнит и знает, что 316 лет назад, во времена, предшествующие царствованию Петра Первого, на Руси был собственный календарь и собственное древнерусское летоисчисление. Сегодняшний 2016 год соответствует 7524 году древнерусского летоисчисления. Другими словами, в 7208 году царь Петр Первый своим указом выкинул из древнерусского календаря 5508 лет и с 1 января ввел христианское летоисчисление по западноевропейскому образцу. Таким образом, из 7208 года собственного летоисчисления Русское государство перешло в 1700 год европейского летоисчисления, берущего свое начало от земной жизни Иисуса Христа. По логике здравого смысла, не может быть такого, чтобы предыдущее летоисчисление в 5508 лет имело место в реальной истории, но не имело под собой никаких исторических фактов. Однако там, где начинается официальная, признанная современной наукой история Древней Руси и русского народа, там здравый смысл не работает. О петровской реформе календаря 1700 года, урезавшей русское летоисчисление на 5508 лет, если мне память не изменяет, я узнал ещё со школьной скамьи. Надеюсь, что и современных школьников по предмету истории России информируют о петровской реформе летоисчисления. Но никогда школьные учителя и официальная наука не расскажут нам о том, откуда у царской России появился столь древний календарь и какими событиями наполнены эти 5508 лет урезанной истории России?

Мне в школе рассказывали, что вплоть до «изобретения» Кириллом и Мефодием в 863 году н. э. кириллического письма все славяне, а значит, и русские люди не имели письменности и были безграмотными варварами. Но если русские люди были безграмотными варварами, то откуда же они взяли столь древний календарь и как вели запись летоисчисления? Мне могут возразить, что славяно-русские народы в древности могли каким-то образом ознакомиться с религией иудаизма и взять за основу собственного летоисчисления то летоисчисление, которое лежит в основе еврейской Торы и Ветхого Завета. Но и эта версия не работает. Проверил по интернету. Оказалось, что сегодняшний 2016 год соответствует 5777 году еврейского летоисчисления, приведенного в строгое соответствие с Торой и Ветхим Заветом Библии. По древнерусскому календарю сегодняшний 2016 год соответствует 7524 году. Таким образом, календарь наших предков на 1747 лет старше календаря еврейского народа. Если мы будем опираться на данные современной науки, то не найдем ни одного календаря, который был бы древнее и старше того древнерусского календаря, который был уничтожен царским указом Петра Первого.

К примеру, цивилизация Египта наукой признается одной из самых древних человеческих цивилизаций. Однако древнеегипетский календарь практически на два тысячелетия «моложе» древнерусского календаря. Это означает, что русский народ по крайней мере на целых полторы-две тысячи лет старше всех народов Евразии и Африки. Совершенно очевидно, что никаких вечных исторических скрижалей, на которых бы последовательно фиксировалась история земного человечества от доисторической древности до нашей современности, в природе не существует. Каждая новая цивилизация, а иногда и даже отдельный правитель, как в случае с Петром Первым, разбивали скрижали прошлой истории или стирали с них все ранее написанные тексты и записывали новые.

Так из истории человечества исчезали целые пласты исторических событий прошлых тысячелетий. А в результате таких обрезаний и укорочений продолжавшаяся сотни миллионов лет история земного человечества «скукожилась» максимум до 6–7 тысяч лет. Все наше прошлое покрыто мраком забвения или переведено в народный эпос мифов и сказаний.

Причем яростным сторонником такой обрезанной версии истории земного человечества выступает сама мировая наука. Сотни и даже тысячи сохранившихся на всех территориях зем-

ного шара мегалитических сооружений, пирамид, дворцов и храмовых комплексов, древних карт поверхности земного шара, письменных артефактов и артефактов археологических находок, надписей на русском языке на пирамидах и храмовых комплексов официальная мировая наука или умалчивает и отвергает, как подделки, или сокращает их время появления таким образом, чтобы они укладывались в их общенаучную мировую парадигму. В этой парадигме не предусмотрено никаких технических превосходств наших далеких предков над современными учеными и достижениями современного научно-технического прогресса. По данным официальной науки, не было рептилоидных инопланетян, не летали «виманы», не велись войны с использованием разрушительного оружия и не было других исторических событий, которые упоминаются в индийских и славяно-арийских ведах, в мифах древней Греции и в других эпических источниках народов земного шара.

Что же остается делать, чтобы хотя бы примерно восстановить историю земного человечества? Сразу же скажу, что реставрировать историю, как художники реставрируют старую картину, с которой в некоторых местах слетела краска, а общая картина сохраняется, невозможно никакому гению. Общей картины у истории человечества нет, а те письменные и архитектурно-технологические скрижали, на которых древние цивилизации писали свои исторические события, разбиты вдребезги, уничтожены потопами и оледенениями или сожжены в огне умышленных поджогов. От понятных скрижалей остались лишь жалкие осколки прошлого, которые называются артефактами. Каждый исследователь тайных сторон человеческой истории по авторскому праву свободы выбора и близости к Богу раскладывает эти осколки артефактов в своем разуме, как ему бог положит на душу, и, руководствуясь подсознанием души человеческой, получает на выходе не подлинник реставрированной истории, а её авторскую реконструкцию.

Сколько есть в наше время независимых исследователей тайных сторон человеческой истории, столько существует и разновидностей исторических реконструкций. Этого не надо бояться и не надо отвергать эти многочисленные реконструкции, как априори ложные. Если читатель искренне хочет понять историю, то он обязан изучить как можно больше индивидуальных реконструкций и выработать свою, которая может и не совпадать ни с одной из тех реконструкций, которые он изучал. В этой работе я попытаюсь изложить собственную реконструкцию исторических скрижалей, которая коренным образом отличается от всего множества других реконструкций, которые мне удалось изучить как с помощью религиозно-ведических источников или с использованием материалов лекций на You Tube других исследователей тайных сторон человеческой истории, так и с помощью гипотез современной науки. В основе моей реконструкции лежит твердая вера в особое предназначение православия как главного представителя Бога Всевышнего, духовной опоры и защитника Его интересов в среде земного человечества. В своей исторической реконструкции я также исхожу из того, что земная и инопланетная жизнь, как и все человечество от древности до современности, возникли не сами по себе, а как необходимый элемент божественного Промысла.

Особое место я отвел некоторым биографическим фактам собственной жизни и обобщающим воспоминаниям о советском периоде нашей недалекой истории. Сейчас мне исполнилось 73 года, и я являюсь свидетелем советского прошлого от середины прошлого века вплоть до гибели и разрушения Советского Союза и восточноевропейских стран социалистически-коммунистического уклада. Сейчас к идее коммунизма я отношусь отрицательно. Это была оформленная в материалистическое правдоподобие утопия, специально придуманная для оболыбления православного русского народа и других народов СССР и стран мирового содружества. Но не все так просто! В моем историческом прошлом, неразрывно связанным с историческим прошлым советского народа, было так много хорошего, что я просто обязан поделиться своими воспоминаниями об этом периоде нашей недавней истории. Дело в том, что начиная с ельцинской эпохи на советское прошлое обрушилась такая черная ложь её небла-

годарных сынов и пасынков, что просто необходимо довести до молодых читателей, незнакомых с жизнью советского народа, личные ощущения прямого свидетеля безо всяких прикрас и прибавлений. Поразительно, но при всяком отсутствии бытового комфорта я испытывал в советское время непередаваемое чувство уюта, радости и уверенности в своем будущем. Вот эти чувства и постараюсь зафиксировать в своих свидетельствах о советском прошлом.

Часть I

Биографические заметки о становлении личности

Глава 1

Ностальгический экскурс в советское прошлое

Годы детства и юности

Моя жизнь началась в 1943 году. В широком смысле слова я являюсь общественным продуктом советской системы образования и советских социально-общественных отношений. Родился в крестьянской семье и крещен как православный ещё в младенческом возрасте. Мать и бабушка были верующими людьми и держали в доме иконы. Деревянная сельская церковь была разрушена, когда мне было лет пять отроду. Маму в довоенном ликбезе научили выводить каракули своей подписи, и на этом её образование закончилось. Читать она не умела. Бабушка была полностью безграмотна. Да жизнь в деревне и не требовала образования. В тяжёлые послевоенные годы мать круглый год без выходных и отпусков работала в колхозе. Бабушка тоже с утра до вечера занималась домашним хозяйством и трудилась на огороде. В расположенной от нас километрах в 7–10 деревне, говорят, сохранилась церковь, также работало несколько церквей и в городе Тамбове. Но по недостатку времени и занятости мама и бабушка никогда не уходили на богомолье, ради того, чтобы принять участие в общем церковном богослужении. Особо усердно молиться им было некогда. Перед ликами избяных икон и молились мама и бабушка, как правило рано утром или перед сном, отдавая молитвам не более пяти-семи минут своего житейского времени.

Отец прошел всю войну солдатом. Демобилизовался из Германии в конце 1945 года старшим сержантом. Не получил за годы войны ни одного ранения, однако в Бога не верил и до конца жизни оставался атеистом. Но у отца тоже была вера. Он верил в науку и научные знания. Перед войной отец окончил курсы трактористов-комбайнеров, но после войны по учебным пособиям и природной смекалке достиг такого технического совершенства, что исполнял должность механика, а затем и инженера. Скорее не по должности, а по факту отец имел глубочайшие технические знания по всем видам сельхозтехники и классно владел всеми специальностями, необходимыми для жизни в сельской местности. Отец вызывал у меня восхищение. Я видел, с каким уважением к нему относились на работе в МТС, а также и односельчане, которые даже в праздничные дни или по вечерам рабочих дней приходили непрерывной чередой за советом и с просьбой что-нибудь изготовить или отремонтировать. Может быть, по неверию отца, а может быть, под воздействием воинственного атеизма советской власти, но мама и бабушка никогда не принуждали меня молиться вместе с ними. Тем не менее советские праздники не считались праздниками, а православные христианские праздники дружно отмечали всей семьей. Отец, хотя и был атеистом, не возражал против религиозных праздников.

Я всегда ощущал себя православным верующим, но так получилось, что через обожание отца и его технических знаний в моей детской душе так и не проснулась тяга к религии. Моя православная вера не исчезла, но надолго упряталась где-то в глубинах подсознания моей детской души. Этому уходу в тень веры в Бога способствовало то обстоятельство, что через восхищение отцовскими знаниями я приобрел веру в науку. Значительно позже, уже на склоне лет, я отчетливо понял, что хотя большинство людей считают себя самодостаточными и независимыми мыслителями, но это мнение обманчиво. На деле это не соответствует действитель-

ности. Ход наших мыслей и суждений и наши выводы по тем или иным жизненным ситуациям, по всему спектру интересов нашей личности, опираются на веру в те фундаментальные идеи, которые вложены в нас близким окружением или образованием. Вера в наборы каких-то идеалов и идей, которые укоренились в наших душах, главенствует над ходом наших мыслей, когда мы оцениваем общественные явления, будущее нашей страны и земного человечества, оцениваем собственные жизненные поступки или планируем наше индивидуальное будущее.

Вера в набор идеалов и идей сужает аналитические способности нашего разума. Однако мы не в силах освободиться от веры во внутренние идеалы. Поэтому мы автоматически отбрасываем или определяем как несущественные все события и явления, которые не вписываются в нашу парадигму внутренней веры, а всякое даже незначительное и второстепенное событие, совпадающее с нашей парадигмой внутренней веры, превращаем в существенное и главное. В советские времена я вовсе не замечал, что все жизненные идеалы нашей внутренней парадигмы веры, включая и весь спектр общественных и естественных наук, конечно, кроме веры в Бога, частично ложны или недостоверны. Философ Кант прав: «чистого разума действительно не существует». По этой причине каждый человек атеистического склада мышления, что бы он ни анализировал и над чем бы ни размышлял, в своих выводах очень далек от истины. То же можно сказать и о людях, подобных мне в молодости и моей взрослой жизни во времена СССР. То есть о таких людях, которые формально принадлежат православию, иудаизму или исламу, но, обольстившись наукой или социальными идеями, осознанно упрятали свою веру в Бога в глубины подсознания и верят в какой-то конгломерат научных и общественных идеалов. Способствовало укреплению этой веры в науку и неутрачивающая советская пропаганда атеизма как в школе, так и вне стен школы.

Чему меня научила деревенская школа

В деревне под Тамбовом, где я родился, была лишь начальная четырехлетка. Мне было два года, когда закончилась Великая Отечественная война с Германией. Мать практически без выходных работала в местном колхозе. Отец вернулся с войны лишь в конце 1945 года и тоже сразу же стал работать механиком в МТС. В раннем детстве я жил с родителями и бабушкой в деревне Козьмодемьяновка, в избе, стены которой были сложены из крупных блоков. Блоки формировались из смеси глины и соломы и назывались саманами. В наше время такие дома – большая редкость даже для самых бедных деревенских жителей. Крыша избы тоже была покрыта соломой. Таких крыш в наше время нигде не встретишь. Их прекратили строить из-за высокой пожароопасности и малых сроков службы. Через пять лет солома сгнивала под солнцем и дождями и требовала полной замены. Деревня находилась в семи километрах от железнодорожной станции Сабурово и примерно в 25 километрах от города Тамбова. Несмотря на такую близость к городу, электрического освещения не было, и мы пользовались керосиновой лампой. Мать работала в местном колхозе, а отец работал в Машинно-тракторной станции, расположенной вблизи станции Сабурово.

Родителей я видел лишь поздними вечерами. Я даже сомневаюсь, что в колхозе были выходные. Отец в весенне-летний период работал разъездным механиком походной мастерской и иногда, когда находился в наших краях, заезжал днем пообедать. Зимой он ремонтировал технику в МТС и дома появлялся редко. Мама и бабушка были малограмотными. Мама буквы знала, но никогда даже не пыталась учить меня грамоте, а отцу было некогда заниматься моим обучением. Тем не менее ещё задолго до того, как пойти в первый класс, примерно с 3–4 лет, я освоил азбуку и ещё до школы, чтобы показать родителям свою грамотность, вечерами читал им статьи из газеты «Правда», мало понимая смысл содержания. Конечно, начальные знания я получил не из воздуха или от потусторонних сил.

Дело в том, что впритык к нашей избе была прилеплена такая же самановая изба, где жили с матерью мои старшие по возрасту двоюродные братья. Витя был старше меня на шесть лет, а Коля – на три года. Их отец, родной брат моей матери, погиб на фронте. Мать моих двоюродных братьев также с утра до вечера трудилась в колхозе. Несмотря на такой ежедневный труд, в доме братьев была страшная послевоенная нищета, а сами они были всегда голодными и не ели вдоволь даже обыкновенного черного хлеба. Я думаю, что они выжили, потому что наша общая бабушка, которая жила совместно с моими работающими родителями, их постоянно подкармливала. В семье я рос один и, видимо, когда научился ходить, мешал бабушке выполнять работы по домашнему хозяйству. Одного меня надолго оставлять было опасно. Долгими зимами, бабушка собирала узелок продуктов, клала туда краюху хлеба и отправлялась вместе со мной в гости к моим двоюродным братьям. Чтобы попасть в их избу, по улице надо было пройти метров 10. Она передавала узелок с продуктами старшему Вите и просила его присмотреть за мной и занять меня чем-нибудь пару часов, пока она занимается по хозяйству.

Отводила она меня в избу моих двоюродных братьев скорее ради их подкормки, но и мне в их обществе было веселее. Никаких игрушек в моей избе и избе моих братьев никогда не было. Витя учился в местной начальной школе. Он часто выполнял за столом домашние задания, а мы с Николаем придумывали игры и занимали себя, чем могли. Когда мы ссорились, он давал нам букварь. Показывал и называл какую-нибудь букву и предлагал запомнить. Букварь меня очень заинтересовал. Я и сам подходил к Вите, показывал очередную букву и просил его произнести её название. Так голодной и холодной зимой 1946–47 года, будучи в возрасте трех лет, мне удалось изучить и запомнить все буквы русского алфавита. В весенне-летний и осенний период посадки, окучивания, уничтожения сорняков, а затем и уборки картофеля я физически не мог следовать за бабушкой.

Одного она меня тоже оставить не могла. В сентябре 1947 года двоюродный брат Коля пошел в первый класс. Витя учился слабо. Его во втором классе оставили на второй год. Такая система была повсеместной. Многие хронические «второгодники» сидели в каждом классе по два года и завершали начальное образование только в 15-или 16-летнем возрасте. Витя не был хроническим второгодником, но во втором классе и он задержался. Причин я не помню, но, вероятно, у него просто не было обуви и верхней одежды, чтобы в зимнее время 1944–45 учебного года посещать школу. Беднота в деревне была такая, что ни у одного ученика не было настоящего портфеля. Вместо портфелей использовали холщовые сумки, сшитые родителями из старых вещей. В весенне-летнее время и даже в первый месяц осени вся деревенская детвора ходила по улице исключительно босиком, в том числе и на школьные занятия. Я настолько привык к детскому босючеству, что и, переехав позже в пристанционный поселок, в семи километрах от моей деревни Козьмодемьяновка, вплоть до окончания Сабуро-Покровской десятилетки в теплое время не пользовался никакой обувью. Для посещения школы и для поездок в город, конечно, обувался, но обувь меня тяготила и, можно сказать, даже лишала какой-то внутренней свободы.

Как только выдавалась возможность, я сбрасывал постылую обувь и сразу чувствовал облегчение. Даже усталость пропадала. Так надолго впиталось в меня мое босоное детство. В дни деревенского детства начальная школа была рядом, не более чем в четырехстах метрах от нашей избы. Но все равно в зимнее время без обуви и без верхней одежды преодолеть это короткое расстояние было невозможно. Вот по этой причине не только Витя, но и многие мои деревенские сверстники не могли посещать школу и оставались второгодниками. Если мне память не изменяет, то бабушка договорилась с учительницей, и Витя с Колей уже в трехлетнем возрасте брали меня с собой на школьные занятия. Видимо, учеников было мало или не хватало учителей, потому что из экономии ученики всех четырех классов находились в одном помещении, а занятия вела одна учительница. Это частое присутствие на занятиях и помогло

мне в трехлетнем возрасте не только освоить азбуку, но и научиться читать газеты. Сколько я ни напрягал память, чтобы вспомнить что-то негативное, какие-то обиды на нищету и полуголодное детство и меня самого, и моих сверстников, но ничего негативного не открывалось. Не знаю, может, это свойство моей личной памяти, выбрасывать и стирать все плохое, а оставлять только хорошее, но во мне сохранилось только ощущение счастья. Такое же счастье я ощущал и в моих деревенских сверстниках.

Если бы в жизни возможно было чудо повторения своего прошлого, то я не хотел бы изменить в своем прошлом ни одного мгновения. Моей ностальгии по детству нисколько не мешает голод, нищета и суровый быт деревенской избы без ванны, туалета и даже без электрического освещения. Все это я вспоминаю со счастьем и благодарностью. Другой вопрос, а выдержал бы я из сегодняшней старости суровые условия детства, если бы чудесным образом перенесся в то далекое послевоенное время в своем преклонном возрасте? Выдержать, может быть, и выдержал, но пережил бы тяжелый стресс от дискомфорта бытовых условий. И виновно в этом было бы не мое сознание, а достигнутый комфорт бытовых условий современной цивилизации. Совершенно уверен, что бытовой комфорт разлагающе действует на наше сознание и способствует духовной деградации. Не избежал этого и я.

Я думаю, что нет на Земле человека, который бы ещё с раннего детства не поражался красотами окружающего нас мира и ни разу не поинтересовался у своих родителей, учителей или друзей и знакомых тайнами ночного неба, тайнами Луны и звезд или не расспрашивал взрослых и сверстников, что такое Солнце и что кроется в бездонных пространствах того космического небосвода, который окружает нашу Землю? Если говорить о самом себе, то мой детско-юношеский интерес к таинству звезд и таинствам Вселенной был вполне удовлетворен школьной программой по астрономии, математике и физике. В то же время в те юношеские времена я проявлял жадное любопытство к техническим наукам. Уже перейдя в среднюю Сабуро-Покровскую школу-десятилетку, буквально проглатывал от корки до корки такие журналы, как «Техника-молодежи», «Наука и жизнь» и другие журналы из научно-популярной серии. Родители по моей просьбе оформили мне подписку на ряд научно-популярных журналов для взрослых и для молодежи.

В середине прошлого века даже для низкооплачиваемых деревенских жителей была возможность оформить подписку на любые периодические издания, в том числе на газеты и периодические научно-популярные издания, потому что годовые подписки на них стоили сущие копейки и никак не влияли на семейный бюджет. Где-то с шестого-седьмого класса я ежемесячно получал научно-популярную периодику. Но мне этого казалось мало. Я шел в библиотеку, брал на дом подшивки научно-популярных журналов за прошлые годы и с великой жадностью проглатывал их, как самую захватывающую художественную литературу. При этом у меня никогда в школьные годы не возникало сомнений в истинности тех законов и тех формул, которые приводились в школьных учебниках или в научно-популярной литературе, я их принимал практически без всякой доказательной базы.

Учебники если и давали доказательства истинности, например, основных законов ньютоновой механики, закона всемирного тяготения Ньютона, закона сохранения энергии, как и всех других физических законов поведения механических и полевых форм материи в виде магнетизма, электричества и света, то очень в слабой и примитивной форме. Зато в учебниках присутствовали портреты великих гениев науки, их даты жизни и смерти с кратким описанием их научной деятельности и открытых ими законов. Все это действовало магическим образом на неокрепшее юношеское подсознание и разум, и я воспринимал научные законы с полной убежденностью в их истинности и доказанности. Вспоминая себя в школьные годы, я бы сказал так: в те времена я воспринимал законы науки, определяющие поведение и взаимодействие механических и полевых форм материи в тех или иных условиях окружающей среды, даже не как алгоритмы, установленные и открытые живыми людьми научного сообщества средне-

вековья, а как самые проверенные религиозные догмы и постулаты, которые не нуждаются в дополнительной проверке.

Совершенно определенно можно сказать, что моя любовь к науке базировалась на полной и безусловной вере в научные авторитеты ученого сообщества. Тем не менее после окончания десяти классов деревенской средней школы я не чувствовал себя человеком, имеющим достаточно полные систематические знания по основным физическим предметам средней школы. Попробую объяснить эту свою неуверенность отрицательным влиянием бросивших ещё семилетнюю школу друзей моего деревенского детства, а также собственным школьным окружением. С самых первых классов я никогда не был «зубрилой», а обходился довольно быстрым пониманием сути вопроса. На выполнение домашних заданий тратил минимум времени. Где-то до четвертого класса был круглым отличником, и это очень льстило моему детскому самолюбию.

Однако учиться на отлично среди подростков нашей школы было непрестижно. Шли голодные и холодные послевоенные годы, в которых значительная часть деревенских подростков была «свободной» от школы безотцовщиной. Даже те подростки, которые учились, воспринимали школу как не нужную обузу и повинность. Других друзей у меня не было, и вскоре я занял такую же позицию, мягко говоря, прохладного отношения как к школьным занятиям, так и ко всем школьным мероприятиям. Пионером я никогда не был. В комсомол меня принудили вступить учителя, но никаких комсомольских «нагрузок» и поручений я не нес, а от собраний увиливал всякими возможными способами. Как круглый отличник с первого по пятый-шестой классы, я выглядел белой вороной среди подавляющей массы моих друзей-сверстников, которые были в основном троечниками и даже двоечниками. Начиная примерно с пятого-шестого класса под влиянием своих бросивших даже семилетнюю школу уличных товарищей и слабо учившихся сверстников-одноклассников я тоже охладел к школьной учебе и стал безразличен к отличным оценкам.

В нашей деревенской среде не было принято, чтобы родители читали нотации, проверяли дневники или выполнение домашних заданий. По крайней мере, в моей семье родители прекрасно знали о моих способностях к учебе и поэтому никогда не довели надо мной, не проверяли мой дневник и не читали мне долгих нотаций. Все их напоминания об учебе были чистой формальностью. На самом деле мне была предоставлена полная свобода выбора. И эта полная свобода была главным и довлеющим фактором моего становления как взрослого и самостоятельного человека. Всякие свои ответственные и даже безответственные шаги я с раннего детства принимал не по рекомендациям или внушениям родителей, учителей или собственных друзей, а только по внутреннему убеждению на основании интуиции и размышлений собственного разума.

В то же время родители всегда были для меня высшими морально-духовными авторитетами. Я чтил их авторитет, поражался их высочайшей нравственности и праведности в повседневной жизни, поражался чистоте и спокойствию их личных взаимоотношений и взаимоотношений с односельчанами и родственниками. Но выбор я делал самостоятельно, и, как правило, родители никогда и не советовали мне, куда поступать и какую избрать специальность. Что я могу твердо сказать, так это то, что родители очень не хотели, чтобы после окончания школы я никуда не поступил и остался нахлебником родителей или стал рабочим местного совхоза или колхоза. Независимо от родителей и я сам не мыслил свое будущее после окончания школы в родительском доме. И это объяснимо повальным пьянством местной сельской молодежи и отсутствием каких-либо перспектив профессионального роста. Да и какой мог быть профессиональный рост в небольшой деревне молодому человеку без высшего или среднетехнического образования и не имеющему никакой рабочей специальности?

Как бы то ни было, но при посредственной учебе по учебным программам шестых-десятих классов средней школы, при регулярных прогулах школьных занятий и при неизменных

ежедневных деревенских уличных «тусовках» с «посиделками», танцами под деревенскую гармошку и ритуальными кражами яблок, малины или клубники в соседских садах и огородах я сохранял неизменную тягу к научно-популярным изданиям и мог их запоем читать в свободное время от школы и уличных гуляний. Правда, с таким же ненасытным чувством я поглощал и детско-юношескую литературу, такую, например, как «Всадник без головы», «Два капитана», «Как закалялась сталь», «Разгром», а также работы Дюма и Диккенса. Особенно ошеломляющее впечатление на меня произвели стихи Сергея Есенина и книга Михаила Шолохова «Тихий Дон».

Из-за любви к чтению я дружил с односельчанином Женей Черноусовым, который был на год или два старше меня и так увлекался чтением, что не дружил с деревенской компанией и не участвовал в наших ежевечерних «посиделках» и в краже яблок. Когда бы я к нему ни заходил в гости, он всегда читал очередную книгу. Мне было лень посещать школьную или сельскую библиотеку. Чаще всего я брал у Жени Черноусова рекомендованные им книги и читал их до утра после вечерних гуляний с деревенской компанией. Теперь я осознаю, что использовал бесконечную личную свободу детских и юношеских лет не всегда на пользу учебы, но несколько об этом не жалею. Из сегодняшнего далека учеба в школе тянулась медленно и нудно. В старших классах школы я всегда был получужим и отстраненным от общешкольных дел и увлечений, потому что все друзья из моей уличной деревенской компании к этому времени бросили учебу в школе. Они или помогали родителям по хозяйству, или просто бездельничали.

Когда я был в своей подростковой компании, то дни были наполнены веселыми и рискованными внешкольными гуляниями и событиями. Скажу откровенно и о самом плохом. Особым шиком считалось своровать бывшие в употреблении просмоленные креозотом железнодорожные шпалы, которые были штабелями сложены на откосах железнодорожного полотна. Ночью их надо было перетащить на собственной спине на довольно значительное расстояние до поселка, а затем продать по два рубля тем хозяевам, которые собирались отремонтировать свои деревенские избы или строить новые дома из старых шпал вместо самановых развалюх. Добытые деньги тратились без остатка на покупку самогона или денатурата. Особой доблестью считалось в эту же ночь купить на все добытые деньги спиртное и полностью его выпить. Чаще всего таким воровским времяпрепровождением мы занимались с моим закадычным другом Иваном Лучкиным. Он уже бросил школу и работал чернорабочим на железной дороге.

Что могу сказать? Могу сказать, что за период восьмого – десятого класса средней школы я выпил такое количество спиртного суррогата, которого не выпил по крайней мере за двадцать-тридцать лет последующей взрослой жизни. Если бы в те времена в стране действовала не система среднего десятилетнего образования, а одиннадцати- или двенадцатилетняя система, то я вряд закончил бы школу, а пополнил ряды полуспившейся сельской молодежи, промышлявшей воровством и продажей урожая свеклы и зерновых с колхозных полей или урожая клубники и яблок из соседнего плодово-ягодного совхоза «Сабуровский». В памяти сохранилось, что школьные занятия тянулись бесконечно долго и нудно. Казалось, что надоевшая учеба никогда не кончится. И вдруг эта затянувшаяся на десять долгих лет бесконечная череда нелюбимых школьных занятий и таких кратких зимних и летних каникул как-то разом остановилась и наступила пора выпускных экзаменов. Несмотря на мое презрительное отношение к учебе, благодаря личному интеллекту аттестат зрелости оказался не самым плохим, но и, конечно, не самым лучшим.

Из пятнадцати аттестационных дисциплин были выставлены по четырем предметам тройки, в том числе по черчению, основам производства, астрономии, русскому языку и литературе. В сочинении я наделал много грамматических ошибок, так как не уделял никакого внимания грамматике и синтаксису. И тройка была вполне заслуженной оценкой по этому важному предмету. Но она меня особо и не волновала, кем-кем, но гуманитарием я себя никогда

и не мыслил. Обидной была только тройка по астрономии. Астрономию я знал и любил, но тройку по ней я получил в качестве мести за мое хулиганское поведение на уроках и презрительное отношение к учителю. Пятерки были выставлены по всеобщей истории, истории и конституции СССР. Я их никогда и не учил, но эти предметы вела одна и та же учительница Татьяна Тихоновна Желобанова. Она умела привлечь к себе всеобщее внимание какой-то особой неистовостью и отдачей. Как говорится, была учителем от Бога. Отсутствием памяти я не страдал.

Одного внимания и тишины на уроках было для меня вполне достаточно, чтобы при вызове к доске я досконально и с блеском отвечал на все поставленные вопросы. Поэтому эти три пятерки в аттестате зрелости были вполне адекватны полученным знаниям. Неудивительно, что только её имя и отчество я и запомнил. Еще запомнил учителя по математике Ольгу Ивановну Попову и её мужа – учителя по русскому языку и литературе Попова Павла Евдокимовича. Павел Евдокимович был фронтовиком. Он ушел из жизни, когда я учился в восьмом классе. Кто нам преподавал русский язык и литературу после него, я не запомнил. Остальных учителей я помню очень смутно. Их имена и отчества стерлись из памяти, хотя они прикладывали массу сил и здоровья и без остатка отдавали себя, чтобы я и другие ученики усвоили ту школьную программу, которая была необходима нам для поступления в средние и высшие учебные заведения, как и вообще для взрослой жизни. Перечислю и остальные предметы аттестата зрелости. Это алгебра, геометрия, тригонометрия, естествознание, география, физика и химия. По всем этим предметам в моем аттестате были выставлены хорошие оценки.

На перепутьях судьбы

Сейчас я понимаю, что выставляли оценки не столько по фактическим знаниям, сколько по совокупности интеллекта, поведения на уроках и вообще по общему отношению к школьным занятиям. Хорошие оценки по основным техническим дисциплинам давали мне возможность поступать в любой технический ВУЗ, если не Москвы, то хотя бы областного значения. В самом Тамбове был институт химического машиностроения, а в ближайшем городе Мичуринске – престижный сельхозинститут, а также и пединститут. В Тамбове и Мичуринске также имелось высшее военное летное училище и несколько средних военных училищ. Военным я никогда не стремился стать из-за страха перед военной дисциплиной. После деревенской вольницы и полной свободы во все времена, кроме школьных занятий, военная дисциплина мне казалась добровольной тюрьмой. А уж в пединститут меня невозможно было заманить никакими благами и льготами. Даже если бы в пединститут принимали без вступительных экзаменов, я бы туда никогда не пошел.

Дело в том, что я вдоволь насмотрелся на те унижения и оскорбления, которым подвергали некоторые внутреннее озлобленные, возможно по генной наследственности или по семейным обстоятельствам, ученики нашей школы даже такого уважаемого мной и другими учениками учителя, каким был Павел Евдокимович. Одним из таких злобных травителей учителей нашей сельской школы был мой сверстник и дружок по вечерней компании Толя Трегубов по кличке «Дудок». В обычной жизни он не был драчуном и не выглядел озлобленным негодяем. Был обычным деревенским пацаном, как и многие мои сверстники. Но во время школьных уроков в его душе срабатывал какой-то нехороший механизм и превращал Толика в озлобленного и отъявленного негодяя, который вызывающим шумным поведением или просто выкриками и репликами в сторону учителя доводил последнего до белого каления и нервного срыва.

Он мог войти в раж злобы при любом учителе, и тогда познавательное течение урока надолго прерывалось, а сам урок превращался в психологическую стычку озлобленного Толика со столь же озлобленным учителем. Хорошо помню, как на приказ Павла Евдокимовича, как и других доведенных до крайностей учителей, немедленно выйти из класса Толик, как зверек,

вцеплялся побелевшими пальцами в торцы парты, а ногами зацеплялся за нижнюю перекладину парты и ехидно ухмылялся. Павел Евдокимович, как и другие учителя нашей школы, не могли допустить неисполнение своего приказа хотя бы ради того, чтобы окончательно не потерять авторитет в глазах всего класса. Доведенные до бешенства учителя и сами частично «зверели», включая и учителей женского пола. Проявляя всю силу своих учительских рук, они отрывали негодяя от парты и вышвыривали за дверь класса. Иногда удаленные с урока школьники ещё долго не давали проводить урок, эпизодически заглядывая в класс и строя учителю лукавые рожицы.

В нашей деревенской школе было достаточно много учеников, подобных Толику Трегубову. По несколько раз их оставляли на второй год, и тогда под их злобу попадали другие учителя. Мучения прекращались только после того, как таких злобышей окончательно отчисляли из школы. Взамен им возникали новые, так что жизнь основной массы учителей вечно находилась под атакой маленьких и злобных негодяев. Обстановка в классе была такова, что никто из учеников класса не смел осуждать поведение таких маленьких негодяев. Может быть, втайне и осуждали, а открыто радовались и выражали восторг от того, что вместо знаний на том или ином уроке получали зрелище вспышки злобы и взаимной ярости. Удивительно, но на уроках Татьяны Тихоновны такие вспышки злобы были крайне редки. В ней была какая-то непонятная учительская жилка особой воли, которая принуждала учеников к тишине и спокойствию. Но попадались такие отъявленные негодяи, что и её заставляли выгонять их из класса. Не могу найти объяснения этому чуду, но даже отъявленные негодяи её слушались и покидали класс безо всякого сопротивления.

Меня тоже нередко выгоняли с уроков. Я уходил и был рад свободе, а после горделиво рассказывал, как мне было хорошо и приятно, пока мои одноклассники отбывали повинность неволи в стенах школы. И ведь действительно, вспоминая себя в те далекие годы, я могу подтвердить, что, будучи удален с урока, не испытывал никаких угрызений совести или огорчения. Даже сейчас я не могу найти разумного объяснения своим поступкам и своему поведению. Я не могу понять, чем подпитывался мой протест к школе, ведь другого пути, как получить нормальное образование и поступить в какое-нибудь высшее или среднее учебное заведение, просто не было, чтобы вырваться из порочного круга сельской жизни. Вспоминая о своем, необъяснимом даже в сегодняшнем времени, вызывающем поведении, я осознаю, что учителям не за что было меня любить или испытывать ко мне благожелательность, а тем более личную симпатию. Тем не менее, если судить по вполне объективным и даже слегка завышенным оценкам моего аттестата зрелости, коллектив учителей школы оценил мои знания без всякой предвзятости или ответной мстительности.

Считаю, что занижена только оценка по астрономии, зато явно завышена оценка по физике. Чего-чего, а физику я просто физически не мог знать на четверку. Домашних заданий я не делал, а на уроках физики даже не мог понять, о чем говорит учитель. При общем шуме вслушиваться в слова учителя было невозможно. Я даже не могу оценить, был ли он доходчивым учителем или его объяснения школьных тем были запутанны и непонятны. Кличкой «Кутек» многие хулиганистые ученики обзывали его прямо на уроках. Он не обращал на это никакого внимания и что-то объяснял по теме урока, но его слабого голоса не было слышно уже во втором ряду парт. Что-то понять из его объяснений было невозможно. А ведь физикой и физическими законами при чтении научно-популярных журналов вне стен школы я очень интересовался. А вот на уроках физики так же безобразничал, как и другие отъявленные хулиганы нашего класса.

От злобных хулиганов я отличался только тем, что не испытывал никакой ненависти или злобы ни к одному школьному учителю. Мне их было искреннее жалко. И больше всего я жалел именно учителя физики, крупного, но болезненного вида мужчину по кличке «Кутек», а также учительницу немецкого языка, средних лет женщину необыкновенно маленького роста

по кличке «Кляйн». Этим учителям-бедолагам доставалось больше всего, потому что они не имели ни воли, ни желания наводить какой-либо порядок на своих уроках. Их совершенно не волновало, что ученики громко разговаривали между собой или занимались посторонними делами. Лично я, по своей деревенской ограниченности, не понимал, зачем мне нужен иностранный язык. Я не хотел его учить как бы осознанно. К большому сожалению, никто не мог мне доказать или объяснить обратное, хотя делали это многократно наши классные руководители и сам директор школы. В отличие от немецкого языка, физика мне была интересна, но на уроках физики стоял такой шум и гам, что понять или вдуматься в слова учителя было невозможно. Домашние задания к этому времени я не делал и учебников не читал, поэтому никаких системных знаний после окончания школы по физике не имел. Четверка была явно завышенной оценкой.

Получив на руки в июне 1960 года аттестат зрелости, я буквально впал в психологическую кому. Во-первых, в силу своего деревенского комплекса неполноценности я не был уверен в том, что моих школьных знаний достаточно для поступления в технической ВУЗ. Во-вторых, я реально ощущал глубокие провалы в знании школьной программы по техническим предметам, а также по русскому языку и литературе. В-третьих, я понимал всем своим внутренним существом и неокрепшим разумом деревенского подростка, что оставаться в деревне мне невозможно. До службы в армии оставалось ещё два года, и если все это время я буду находиться в своей деревенской компании, то просто сопьюсь и стану начинающим алкоголиком, а ещё хуже – сяду в тюрьму за какую-нибудь групповую кражу колхозного или совхозного имущества, или за кражу бывших в употреблении железнодорожных шпал.

Итак, в 1960 году я окончил десятилетку и получил аттестат зрелости. Вера в науку и всепроникающая пропаганда воинственного атеизма сделали свое дело. К этому времени я скорее был настоящим безбожником, чем верующим христианином. Апофизом отхода от веры в Бога явилось внутреннее признание того факта, что род людской произошел от обезьяны. Школьное советское образование настойчиво вдалбливало в мое сознание мысли, что никакого Бога в природе не существует, все живое развилось само собой из первичного «бульона» океанских вод, а примерно 40 тысяч лет назад некоторые виды обезьян стали использовать палку для добычи пищи и превратились в племена первобытного примитивного человека. Дальнейшее эволюционное развитие этих примитивных племен и породило всё разнообразие современного человечества.

Если бы я по каким-то причинам ещё в молодости углубленно изучил научную гипотезу происхождения человека от обезьяны, то, несомненно, самостоятельно нашел бы в ней массу недоговорок, нестыковок и зияющих противоречий, что заставило бы меня усомниться в истинности этой гипотезы, а значит, усомниться в истинности самой науки и начать поиск альтернативного пути происхождения человека. Этого не произошло. И наверное, к лучшему. Я думаю, что если бы в школьные годы советских времен середины прошлого века я открыто стал доказывать ложность теории Дарвина, да ещё приводить аргументы и настаивать на своей гипотезе, то я бы был признан не молодым талантом, а был признан сумасшедшим и оказался на принудительном лечении в дурдоме. Психиатрия в СССР была очень сурова, и любое отклонение от нормы в оценке истинности школьных научных знаний, а тем более упорное неверие в якобы доказанные научные теории могли тут же признать психическим отклонением. Таковы неизбежные издержки советской образовательной системы, которая не только вкладывала в нас знания, но стригла наш неокрепший разум под одну гребенку и старалась добиться максимального единомыслия по всему спектру научных и общественных знаний.

В наше время я убедился, что и западная система образования делает то же самое, если не хуже.

Мне повезло тем, что я был не хилее своих сверстников. Мне не было дела до анализа тех постулатов, которые мне вдалбливали в школе. Роль обычного «попугая», умеющего уве-

ренно повторить то, что говорил учитель и что было написано в учебниках, меня в годы юности вполне устраивала. Не только в советские времена, но и во все времена, включая нашу современность, успешными учениками и студентами становятся такие молодые люди, которые успешно усваивают принципы образовательного популайства. Говори не то, что думаешь, или вообще не задумывайся глубоко о том, что говоришь, но говори то, что хочет услышать от тебя твой преподаватель, и у тебя не будет никаких проблем с оценками и с самим процессом обучения.

Безальтернативный выбор между тюрьмой и учебой

Ещё до получения аттестата я крепко задумался о своем будущем. Чтобы не маячить в деревне, не расстраивать и не огорчать родителей, мне было жизненно необходимо немедленно покинуть деревню и поступить хотя бы в техникум или даже ПТУ. Опасность тюрьмы и слома всего моего будущего я ощущал не столько разумом, сколько неосознанной интуицией и реальной судьбой моих старших сверстников по деревенской ночной и вечерней компании. Среди моих старших друзей по ночной улице были уже и те, которые успели ознакомиться с тюремной камерой и около года провели в заключении. По их рассказам ничего страшного в небольшом тюремном сроке нет. Рассказы таких бывалых и старших «друганов» по ночной улице приучали нас, более молодых, к мысли о неизбежности тюрьмы как обязательного элемента взрослой жизни. Тюрьма рассматривалась не как страшное наказание, а как заслуженный и неизбежный университет взрослой жизни. Так, исподволь, слушая рассказы о тюремной романтике моих старших друзей и товарищей, я приучил себя к мысли, что в тюрьме нет ничего страшного.

Совсем по-другому относились к тюрьме мои родители. Практически каждый день во время совместного ужина они как бы ненароком заводили разговор о тех моих друзьях-односельчанах, которые рано бросили школу, нигде не учились и не работали, а если работали, то чернорабочими в колхозе или на железной дороге. Многие из них встали на кривую дорожку вечного воровства и уже отсидели в тюрьмах небольшие сроки. Родители меня спрашивали: разве стоит повторять их судьбу и скатываться по наклонной плоскости, чтобы уподобиться их беспросветной жизни вечного лавирования между пьяным бездельем и тюремной отсидкой? Родителей я любил не только сыновней любовью кровного родства, но и как праведных тружеников, кристально порядочных и честных людей. Они испытывали презрение к ворам и бездельникам и это свое презрение пытались внушить и в мое неокрепшее сознание.

Презирать своих друзей я не мог, но и слепо следовать их жизненной стезе воров и бесшабашных пьяниц для меня было неприемлемо. Я чувствовал в себе духовное желание, силы и способности стать если уж не высокообразованным инженером, то городским жителем со среднетехническим образованием. В деревне абсолютно нечем было заняться и невозможно было найти других друзей, кроме моей шальной компании подростков и молодежи, давно бросивших школу и ведущих полупаразитический образ жизни. Каждый выпускник школы сразу же исчезал из деревни. Или поступал в какое-либо учебное заведение, или вербовался на шахты Донбасса или куда-нибудь в другое место, чуть ли не «к черту на рога», и практически навсегда покидал деревню. Из молодежи оставались лишь бросившие школу подростки, которых даже их родители и сами деревенские жители-колхозники рассматривали не как своих преемников, а как неприспособленных к нормальной жизни отбросов общества.

Уже и без внушения родителей я понимал, что оставаться в деревне даже на год для меня чревато скорой тюрьмой и потерей всяких надежд на нормальную жизнь в городских условиях. Надо было решительно покидать родную деревню, хотя бы для того, чтобы избежать скорой тюрьмы и превращения в начального алкоголика. Все-таки в ПТУ идти мне не хотелось. Я чувствовал в себе силы, для того чтобы стать квалифицированным специалистом со средне-

техническим образованием. Изучив перечень среднетехнических учебных заведений Тамбовской области, я выбрал для поступления Котовский индустриальный техникум в надежде, что там не будет большого конкурса абитуриентов и мне удастся стать студентом даже с посредственными результатами вступительных экзаменов.

Да и проезд до него составлял от моей станции Сабурово не более двух часов на местных пригородных поездах. Почему-то не хотелось сразу же отрываться от родной деревни на дальние расстояния. Нет сомнений, что родную деревню я любил не меньше родителей. Для меня родители и родная деревня сливались в одно понятие малой родины. К моему удивлению, этот же техникум выбрал для поступления мой одноклассник из параллельного десятого класса Володя Кириллов. Володя принадлежал к «потомственной» элите. Он был сыном председателя того колхоза, который располагался километрах в десяти от нашей школы. Во время учебы в десятилетке родители снимали для него квартиру недалеко от школы. Возможно, он жил в интернате, который располагался где-то в километре от школы. Точнее сказать не могу. В школе я с ним дружбу не водил и в гостях у него никогда не был. Кириллов не был таким хулиганистым подростком, каким был я, и учился не по принуждению, а по личному желанию. По крайней мере, он был дисциплинированным учеником и не водился с компанией деревенских подростков, а добросовестно осваивал программу средней школы.

Такое невольное соседство меня весьма озадачило. Я не мог понять, почему Кириллов не пошел в ВУЗ, а избрал для поступления Котовский индустриальный техникум? Все эти тайны раскрылись, когда мы подали документы для поступления на специальность химика-технолога по взрывчатым веществам и ознакомились с перечнем вступительных экзаменов. Во-первых, оказалось, что Котовский индустриальный техникум был более престижен, чем любой пединститут. Та же специальность химика-технолога по производству взрывчатых веществ через три года успешного обучения открывала дорогу на закрытые военные производства с весьма высокими химическими технологиями и, что немаловажно, с достаточно высокой заработной платой и даже обеспечением неженатой молодежи комфортным общежитием, а женатых мастеров-производственников – комфортным жильем.

Как раз градообразующим предприятием города Котова Тамбовской области был крупнейший завод по производству всего многообразия порохов и взрывчатых веществ (п/я № 33). Во-вторых, неприятным открытием для меня, а также и для Володи Кириллова был тот факт, что по избранной специальности химика-технолога был конкурс примерно четыре абитуриента на одно место. Не знаю, как Володя Кириллов, а я ожидал отсутствия конкурентов и безусловного поступления в техникум с расчетом на свое слабое знание учебной программы в объеме средней школы. Кириллов признался мне, что и он выбрал Котовский индустриальный техникум, потому что ощущал свою неготовность к конкуренции с более подготовленными городскими выпускниками средних школ и неготовности к высоким требованиям вступительных экзаменов в ВУЗы Тамбова, а тем более города Москвы. Мы оба глубоко заблуждались.

В техникуме мы столкнулись как с огромным наплывом выпускников городских школ, так и с высочайшей конкуренцией. Но другого выбора у нас не было. Можно было с позором возвратиться в родные пенаты, завалив вступительные экзамены, или получить тройки и уступить места более подготовленным конкурентам. Другой вариант предусматривал неистовую круглосуточную и непрерывную самоподготовку, для того чтобы подтянуть багаж знаний до уровня выпускников городских школ, успешно сдать вступительные экзамены на хорошие и отличные оценки и стать студентами техникума. Лично я не раздумывая избрал путь настойчивой самоподготовки, чтобы преодолеть провалы знаний программы средней школы и стать студентом техникума. Кириллов не был связан по месту жительства родителей с компанией друзей, бросивших школу и занимающихся в вечернее время мелким воровством и пьянством.

По этой причине он без вреда для своего будущего мог позволить себе проиграть конкурс вступительных экзаменов и вернуться домой, чтобы в течение очередного года в домашних

условиях заняться тщательной и систематической самостоятельной подготовкой для поступления в техникум или ВУЗ на очередной учебный год. А вот если бы я вернулся домой, не выдержав конкуренции с городскими абитуриентами, то сразу же попал в компанию бросивших школу деревенских друзей и стал бы заниматься мелким воровством и пьянством. Школу я окончил в 1960 году, а в армию меня должны были призвать только в ноябре 1962 года. Этих двух лет вполне бы хватило, чтобы вместо техникума или института и даже вместо армии попасть на пару-тройку лет в тюремную камеру. Не помню, как долго я раздумывал, чтобы принять твердое решение обязательно стать студентом этого техникума.

Могу лишь сказать, что в тот момент поступления в техникум я впервые в жизни принял самостоятельное решение, которое заключалось в том, чтобы приложить все свои творческие силы и способности и попытаться, самостоятельно занимаясь по учебникам и посещая консультации, освоить программу средней школы в полном объеме и сдать вступительные экзамены на хорошие и отличные оценки. Эта мысль родилась не сразу. Помню, когда я уезжал из деревенского дома в город Котовск для сдачи вступительных экзаменов, мама, провожая меня, дала мне 17 рублей на питание. Этих денег было достаточно, чтобы я прожил в городе Котовске неделю, а в очередную субботу приехал домой, поделился информацией о ходе подготовки или о сдаче первого вступительного экзамена, отдохнул и отведал домашней пищи. А затем, получив новую порцию денег на очередную неделю городской жизни, снова вечером в воскресенье уехал в город Котовск.

От станции Сабурово, рядом с которой располагалась моя деревня, до города Тамбова было 25 километров пути, и несколько раз в день ходили пригородные поезда, которые примерно за час доставляли сельских жителей из близлежащих к железной дороге деревень утром на работу на предприятия города Тамбова, а по вечерам возвращали их обратно. Город Котовск располагался от города Тамбова на расстоянии 16 километров в другую сторону. И тоже несколько раз в день рабочий поезд ходил из Тамбова в Котовск и обратно. Кроме того, Тамбов и Котовск были связаны маршрутными автобусами. Никаких проблем не было в том, чтобы, потратив на дорогу два часа времени, к вечеру любого дня, а тем более в субботу или воскресенье покинуть Котовск и оказаться в родном деревенском доме. Когда мама давала мне 17 рублей на пропитание, она и рассчитывала, что после сдачи каждого очередного экзамена я буду приезжать в родительский дом и, получив очередную порцию финансов, возвращаться в Котовск для продолжения сдачи вступительных экзаменов.

Примерно так же мыслил и я, когда с 17 рублями в кармане покинул родительский дом и отправился в Котовск для подготовки к первому вступительному экзамену. Однако быстро на месте оценив обстановку с наплывом абитуриентов с довольно высоким конкурсом и сопоставив все это с багажом своих личных знаний по программе деревенской десятилетней школы, я принял твердое решение не возвращаться в деревню, пока не сдам все вступительные экзамены и не получу уведомления о зачислении меня в студенты техникума. Я не помню перечня вступительных экзаменов и даже не помню, где я жил и где ночевал. Скорее всего, как иногороднего, меня обеспечили временным общежитием. Но хорошо помню, что я всегда был в коллективе моих потенциальных конкурентов. Причем всех нас обеспечили учебниками для подготовки, перечнем основных экзаменационных вопросов и регулярными консультациями тех преподавателей, которые должны были принимать у нас вступительные экзамены.

Не могу найти объяснения, каким образом мне хватило 17 рублей на целый месяц напряженной жизни и непрерывных самостоятельных занятий? Абсолютно уверен, что я хорошо питался и не испытывал никакого голода. Ведь состояние голода-то я бы обязательно запомнил. Тем не менее факт остается фактом. А обстоятельства этого удивительного факта таковы, что 7 рублей из 17 я изстратил на покупку модного в то время небольшого студенческого чемоданчика, прообраза будущих «дипломатов», а оставшихся 10 рублей мне хватило на целый месяц полноценного питания. Я думаю, что я практически не тратил маминых денег, потому

что обильным домашним питанием меня обеспечивали котовские и тамбовские кандидаты в студенты, которые очень быстро стали моими близкими друзьями.

Общительности мне было не занимать, и я быстро сошелся с моими конкурентами из числа местных жителей и жителей города Тамбова. Когда они посещали своих родителей, то возвращались в помещение для абитуриентов с целыми сумками и пакетами вкусной домашней снеди. Скушать все это обилие домашних продуктов одному человеку было невозможно, и каждый считал честью поделиться пищей со мной, их новым деревенским другом, который за все время вступительных экзаменов ни разу не покинул не только город Котовск, но и саму отведенную для жительства и подготовки экзаменов территорию техникума. Для них это было поразительно и необъяснимо. Поразительно было и для меня решение не возвращаться и не посещать родную деревню и родителей до полной и успешной сдачи всех вступительных экзаменов. Со мной произошло настоящее чудо духовного перерождения. Я решил самостоятельно пополнить свой багаж учебных знаний и устранить все провалы и пропуски школьной программы в объеме тех предметов, которые были вынесены на вступительные экзамены.

Я нисколько не принуждал себя к самостоятельной учебе. Меня это увлекло и так мне понравилось, что я испытывал от самостоятельных занятий непередаваемое чувство радости. Оказалось, что не только родители, но и наша деревенская школа, в том числе и мой внешкольный непреходящий личный интерес к техническим наукам, создали прочный фундамент для самостоятельной подготовки. В немалой степени способствовала этому и новая среда окружения. Среди новых друзей и кандидатов в будущие студенты не было ни одного, кто бы яростно не занимался и не стремился пополнить багаж собственных знаний для успешной сдачи вступительных экзаменов. Не было тех, кто приехал просто так, чтобы впустую провести время. Было общее стремление всех поступающих стать студентами техникума. Высокая конкуренция не угнетала меня и не пугала, а лишь стимулировала мою работоспособность.

Отмечу и ещё одно странное обстоятельство. В школе и даже в своей деревенской компании я никогда не был лидером или авторитетом, но никогда и не был незаметной серой птичкой. Не только в учебе, но и в хулиганстве я придерживался золотой середины, стараясь не быть последним, но и не желая быть ни первым учеником, ни первым хулиганом. По своему деревенскому комплексу неполноценности я считал себя человеком средних способностей и с такими мыслями и приехал в Котовск на сдачу вступительных экзаменов в техникум. Меня поначалу несколько тревожило, что я впервые в жизни покинул своих родителей, свой деревенский дом и свою деревню, то есть все то, что я искреннее любил и чем была пропитана моя душа как самым дорогим для меня и неотделимым от моего сознания и разума. Конечно, я ожидал, что меня начнет грызть ностальгия по деревне, а сам я окажусь замкнутым и отстраненным от нового окружения.

Видимо, мое желание внутреннего изменения было так сильно, что мой прогноз на замкнутость был сломан моим внутренним «я» без всякого усилия. Никакой внутренней самоизоляции не случилось. Непостижимым для меня образом буквально через несколько дней пребывания в Котовске и общения со своими городскими конкурентами и преподавателями-консультантами я очень быстро стал центром внимания и авторитетом как для конкурентов, так и для преподавателей-консультантов. Я вписался в новую обстановку так быстро и так прочно, как будто я ничем другим и не занимался, а много лет подряд сдавал вступительные экзамены и покидал родные деревенские пенаты и как бы накопил практический опыт самостоятельной работы и огромный опыт общения с городскими сверстниками и молодыми людьми с другими интересами и другого, не деревенского, круга.

Из всех желающих стать студентами техникума по специальности химика-технолога по взрывчатым веществам деревенскими были только я и Володя Кириллов. Набирали на эту специальность исключительно парней. Девушек в нашей подготовительной группе не было. В отличие от меня Володя Кириллов сразу же снял за личные средства комнату в частном

секторе и появлялся в общей группе только во время консультаций. По поведению в период сдачи вступительных экзаменов он оказался замкнутым и хорошо подготовленным индивидуалистом. Кириллов тоже твердо решил стать студентом и настойчиво шел к цели, в тишине своей снятой комнаты и в полном одиночестве шлифуя и повторяя те знания, которые накопил по школьной программе. В школе мы с Кирилловым учились в параллельных классах и не были не только друзьями, но даже практически не общались и не контактировали. Такое же взаимное безразличие между нами сохранялось и в период сдачи вступительных экзаменов.

Да, теперь это отдаленное прошлое выплыло из тумана забвения и прояснилось. Нет сомнений в том, что меня поселили в большой студенческой комнате вместе с иногородними ребятами и моими конкурентами из таких городов, как Липецк, Курск, Ростов и Воронеж. Таких оказалось достаточно много, если не ошибаюсь, человек 12–16. Когда приходили ребята из Котовска и приезжали тамбовские на консультации или за сутки до сдачи очередного вступительного экзамена, то все они заходили в нашу комнату, делились с нами продуктами, а заодно пытались получить разъяснения по тем вопросам будущего приемного экзамена, которые им были непонятны. Как-то так само собой получилось, неожиданно даже для меня самого, что я и оказался главным и самым авторитетным нештатным консультантом для своих конкурентов.

Началось это общее повышенное внимание к моей персоне после первых же общих консультаций по сдаче первого вступительного экзамена. Интуитивным образом я нащупал какой-то свой индивидуальный стиль накопления знаний, который в корне отличался от зубрежки и предполагал постоянные контакты с моими конкурентами по их инициативе. Несомненно, что это было полезно для моих конкурентов, но в тысячу раз более полезно для меня самого. Попытаюсь вкратце рассказать об этом индивидуальном методе накопления знаний. Эффективность его лично для меня доказана всем ходом моей последующей жизни.

Глава 2

Успехи и поражения

Наработка индивидуальных методов накопления технических знаний

Дело в том, что другие абитуриенты задавали вопросы консультанту не по отдельным темам, а только по конкретным вопросам будущих экзаменационных билетов. Я же таких вопросов никогда не задавал. Я задавал какие-то общие вопросы, которые касались основ того предмета науки, которые нам предстояло сдавать на очередном вступительном экзамене. Я выстраивал в своем разуме какую-то индивидуальную логическую цепочку по каждому сдаваемому предмету. Мне было важно понять какие-то основополагающие аксиомы, законы, теоремы и просто условности, принятые для химии, математики или других технических предметов, внесенных в перечень вступительных экзаменов. В последующем, на самом экзамене, мой разум добирался до этих индивидуальных постулатов, осмысливал их и через них по логической цепочке сознания искал и всегда находил правильный ответ на письменный или устный вопрос экзаменационного билета. Многие формулы я даже не помнил визуально, но зато знал их внутреннюю сущность.

Я вообще всегда отличался достаточно слабой зрительной памятью, поэтому запомнить текст большого объема и даже отдельный лист книги с объяснениями и доказательствами по отдельным вопросам вступительных экзаменов для меня было большой проблемой. Я схватывал общее содержание как единое целое или как гармоничную систему. То, что называется зубрежкой, никогда не было моим методом накопления знаний, и в какой-то мере я испытывал неприязнь к моим сверстникам, которые пополняли свой багаж знаний откровенной зубрежкой. Мне их было жалко, потому что они тратили во много раз больше времени и усилий, чтобы запомнить правильные ответы на весь достаточно большой перечень экзаменационных вопросов. Зато я очень хорошо запоминал объяснения учителей, особенно если не отвлекался, а хотел понять то, о чем рассказывал учитель. Но уже при сдаче вступительных экзаменов в техникум я окончательно понял, что главным моим личным методом накопления знаний является самоподготовка с активным общением с соучениками или собственными конкурентами, а при их отсутствии – и внутреннее диалоговое общение с самим собой.

Объясняя другим то, что и сам знал не совсем уверенно до начала объяснения и словесного общения, я настолько глубоко вникал в сущность задаваемого вопроса, что усваивал его крепко и надолго, и наверняка лучше того, которого консультировал. А главное, после таких спонтанных консультаций я мог находить и другие доказательства по тематике данного вопроса, что исключало возможность сомнений или неуверенности при сдаче вступительного экзамена, а затем и всего множества экзаменов, которые мне пришлось сдать в течение моей учебы в техникуме, в военном училище и во время длительной профессиональной флотской службы. Внутренние диалоги с самим собой по той или иной теме научного предмета тоже приносили мне блестящие результаты долговременного закрепления знаний и понимания сущности данной тематики или раздела научного предмета.

Чтобы понять разницу и отличие моего метода обучения и метода откровенной зубрежки, приведу пример из собственной жизни. В высшем военном училище, используя наработанный при поступлении и учебе в техникуме свой метод активной самоподготовки с постоянной устной консультацией своих сокурсников в качестве нештатного классного преподавателя в часы самоподготовки и в любое другое время, за все пять лет обучения, начиная со вступи-

тельных экзаменов и до защиты дипломного проекта, я не получал никаких других оценок, кроме «круглых» пятерок. По завершении учебы единственному из всего класса в составе 21 выпускника мне была вручена заслуженная золотая медаль. Примечательно, что я даже не по всем лекциям вел конспекты, а если и вел, то иногда так их шифровал для краткости записи, что и сам не мог сразу понять, что там мной зашифровано. Выручали конспекты курсантов из параллельных двух классов и непрерывные устные предэкзаменационные консультации моих одноклассников. Расскажу вам одну историю про моего сослуживца по атомной подводной лодке Северного Флота Гену Костина.

Начинали мы учебу на первом курсе военного училища в составе 20 курсантов, но на четвертом курсе к нам зачислили курсанта Гену Костина, который четыре года отучился в той группе, набор которой состоялся за год до нашего набора. Там он получил по результатам обучения на четвертом курсе сразу три двойки на экзаменах и был отчислен из училища, но продолжил флотскую службу в качестве обычного матроса. Отец у Гены имел звание капитана 1 ранга и, видимо, занимал высокую должность. Он добился, что сына через год срочной службы вернули в училище на тот же четвертый курс, на котором Гена уже отучился, но по результатам учебы получил три экзаменационные двойки. Так Гена Костин, стал 21-м курсантом нашего класса и моим хорошим товарищем. Вплоть до выпуска из училища с обоюдного согласия личной дружбы я помогал Гене подготовиться к очередным экзаменам и сдать их хотя бы на тройки.

В конце концов Гена Костин с великим трудом и немалой зубрежкой закончил училище на тройки и стал офицером и инженером по автоматике, телемеханике и вычислительной технике. Или по насмешке судьбы или по ходатайству высокопоставленного родителя Гены Костина, но мы попали с ним в один экипаж и года два-три вместе обслуживали боевой информационно-управляющий комплекс по стрельбе баллистическими ракетами с атомными боеголовками, стрельбе торпедами и решению задач навигации и определения места на атомном ракетном подводном крейсере стратегического назначения «К-423» Северного Флота. Конечно, как инженер Гена был не способен самостоятельно и в одиночку устранить даже самую простую неисправность многофункционального вычислительного комплекса и его множества оконечных систем, включая и приборы ввода в баллистические ракеты исходных данных по наведению ракет с ядерными боеголовками на назначенные цели. Когда возникали мелкие или серьезные неисправности, я сильно раздражался от бесполезности Гены как инженера и специалиста.

Однако, когда я устранял неисправности, Гена неизменно помогал мне тем, что грел паяльник или быстро приносил нужную деталь, плату или блок, необходимые для устранения неисправности. Как только неисправность устранялась, я тут же забывал обиду и раздражение и снова воспринимал Гену Костина как своего друга и товарища. Притом я и сейчас не понимаю причины, почему он так настойчиво стремился окончить училище и стать военноморским офицером, да ещё и напроситься на тяжелую службу офицера-подводника атомного ракетноносца? Ведь наша служба была полна опасностей как для здоровья от вредной радиации атомного реактора и вдыхания в течение трех месяцев без всплытия на поверхность воздушной смеси, лишь отдаленно напоминающей нормальную атмосферу земной поверхности, так и для жизни.

Ведь в любой момент длительного подводного трехмесячного плавания могла возникнуть тяжелая аварийная ситуация с непредсказуемыми последствиями для атомохода и членов экипажа. И такие тяжелые аварийные ситуации иногда возникали, но, к счастью, не на нашем подводном ракетноносце. Гена не был трусом. Это точно. Но, думаю, что свой жизненный выбор он делал не самостоятельно, а по требованию родителей и по желанию отца. Он осуществлял план, предписанный ему родителями. Служба на лодке нужна была для успешной карьеры на берегу. Опыт службы на подводной лодке придавал такой высокий авторитет офицеру, что на

береговой службе никто не посмел укорять офицера за слабые инженерные знания, по крайней мере в первые годы в новой должности. Действительно, года через три Гена Костин перевелся в Ленинград, и моя связь с ним была утеряна. Что я могу сказать о нем положительного? Видимо, занимаясь пять лет, а практически шесть лет учебы в училище зубрежкой материала, он развил в себе удивительную зрительную память, которая мне была недоступна.

На пятом курсе мы часто с Геней Костиным посещали кинотеатры и смотрели новые фильмы. И вот представьте себе, иногда в восторге от увиденного фильма Гена Костин мог полностью пересказать слово в слово все фразы и монологи актеров и при этом изобразить их в лицах. Это меня поражало. Я запоминал лишь общее содержание или канву фильма, но при этом дословно мог запомнить лишь отдельные особо выдающиеся фразы и выражения. Я думаю, что Гена и сдавал на тройки экзамены благодаря своей феноменальной зрительной памяти. Он не имел способности вникнуть в глубинную сущность той или иной технической науки. А зрительная память не бесконечна. Через месяц другой Гена начисто забывал то, что он сдавал, и его багаж технических знаний снова становился чистым листом бумаги.

Теперь я объясняю для себя это свойство тем, что по независящим от Гены причинам, а по устройству его механизма накопления знаний он использовал для учебы возможности мозга, но не использовал для накопления знаний разум, сознание и подсознание, как главных составляющих человеческой души. Он не использовал внутренние диалоги между мозгом, разумом и подсознанием, и потому его знания носили чисто зрительный характер, исключаящий глубинное внутреннее осмысление. В глубинном самосознании у него ничего не откладывалось, а значит, и накопления технических знаний не происходило. Таких экспериментов я с ним не проводил, но уверен, что после окончания училища и получения звания инженер-лейтенанта Гена не мог ничего толкового рассказать, например, о бесконечно малых, дифференциалах и интегралах, а также о многих других вещах высшей математики, как и о физических процессах, происходящих внутри вычислительных и аналоговых средств того мощного боевого комплекса, который мы с ним были обязаны не только обслуживать, готовить к боевым и практическим стрельбам, но и как можно быстро устранять в нем все технические неисправности.

Естественно, что, несмотря на такую исключительную зрительную и слуховую память, Гена Костин был слабым инженером. И именно потому, что, хотя училище он закончил, но никаких знаний в его сознании и подсознании за эти шесть лет обучения не накопилось. Они выветрились, как выветриваются и все бесчисленные зрительные образы из нашей памяти. Какие-то образы сегодняшнего дня мы ещё помним, но спроси нас, что мы видели неделю или месяц назад, и мы затруднимся ответить. Вот так и случилось с Геней Костиным. Возможно, ему надо было идти в актеры, а не мучить себя шестилетней зубрежкой технических наук, которые он так и не усвоил. Сейчас, по слухам, Гена Костин живет в Санкт-Петербурге. Я не знаю, где он служил после атомной подводной лодки и до какого офицерского звания дослужился, но думаю, что капитаном 1 ранга он так и не стал. В наши времена безграмотным офицерам на технических должностях капитана 1 ранга не присваивали.

Я просил моего сокурсника по училищу Володю Прудникова дать мне домашний телефон Гены Костина, но он мне сказал, что звонить ему бесполезно. Оказалось, что Гена Костин сильно пьет и на звонки или не отвечает, или мычит что-то невнятное. Я думаю, что это расплата за неправильно выбранный жизненный путь. Как офицер ВМФ с высшим техническим образованием, он просто не мог использовать свои уникальные способности зрительного и слухового запоминания достаточно больших объемов информации. Но закончим историю с Геней Костиным и вернемся к истории моего поступления в Котовский индустриальный техникум. Мой индивидуальный стиль самоподготовки опирается на другую систему пополнения копилки личных знаний. Как я сейчас понимаю, мой мозг не накапливает и не хранит в себе технические знания, а отправляет их в разум, а затем и в сознание и подсознание моей инди-

видуальной души. Затем происходит внутренний мысленный диалог, который воспринимается мной как отвлеченное осмысление нового знания.

Что-то несущественное выбрасывается, но главная часть существенного знания надолго закрепляется в подсознании. При необходимости я оттуда вытаскиваю такие знания, которые бывают удивительны и для меня самого. Правда, не сразу. Для этого требуется глубокая сосредоточенность на том или ином техническом вопросе. Иногда этот процесс занимает 10–20 минут, иногда несколько часов, а некоторые особо тонкие вопросы научного знания я обдумываю месяцами и годами, прежде чем отыскать точный ответ. Особенно этот процесс бывает длительным, когда мой внутренний ответ противоречит сути и содержанию фундаментальных законов науки. Но факт есть факт. Я бы никогда не стал философом, доказывающим несостоятельность фундаментальных законов науки, таких, например, как закон сохранения энергии и закон всемирного тяготения, если бы подсознание не поставляло мне доказательства несостоятельности этих законов. Причем исходным материалом для таких ортодоксальных выводов являются результаты достижений самой современной науки и их осмысление вне рамок принятых фундаментальных законов.

Раньше мое подсознание лишь критически анализировало фундаментальные законы, но, когда накопилось достаточно научной и религиозной информации, в разуме сформировались аргументы для доказательства ошибочности главных фундаментальных законов науки. Чтобы довести эти аргументы и доказательства до общественности, я стал философом и начал издавать книги с критикой фундаментальных законов науки и с изложением собственного взгляда и собственной гипотезы о материальном мире и энергетических процессах Вселенной. Я могу точно сказать по опыту всей моей прошлой жизни, с учетом учебы в техникуме, срочной службы на кораблях Балтийского Флота, а затем учебы в высшем Военно-Морском училище, а также с учетом долгой и разнородной профессиональной деятельности офицера ВМФ и накопления знаний для публикации философских работ по научно-религиозной тематике, что моя система накопления и усвоения знаний каким-то коренным образом отличается от системы, которую используют большинство моих современников.

В чем тут дело я, как мог, в двух словах выше пояснил: «основы различных направлений наук, научные теории и гипотезы – все, что интересно и любопытно моему разуму, в общем виде попадают в подсознание, а там обрабатывается и возвращаются в разум уже в обновленном виде». Иногда этот обновленный вид не совпадает с тем, что я читаю и осмысливаю при чтении. Как бы ниоткуда появляется новое знание, которому я длительное время не придавал особого значения. А вот тонкости и подробности этого таинственного процесса не только в двух словах, но даже в многословной работе объяснить невозможно. Например, практикующий экстрасенс, поражающий ученых или зрительскую публику своими феноменальными возможностями, никогда и никому не может объяснить, как он это делает. Не только экстрасенс с феноменальными способностями, но и каждый индивидуальный человек не может толком объяснить, каким образом он накапливает знания и, превращая их в устойчивую систему, надолго сохраняет в своем разуме и сознании.

Вот также и я не способен объяснить, как работает мое подсознание. Что я могу уверенно сказать, так это то, что толчком к этому процессу стало мое непреодолимое желание быстро освоить и понять те предметы школьной программы, которые были вынесены на вступительные экзамены в техникуме. И это мне блестяще удалось. Вступительные экзамены я сдал с общей суммой баллов, значительно превышающей проходной балл для зачисления в студенты. А главное – результаты оказались выше оценок, выставленных в аттестате зрелости. Но дело даже не в оценках, а в том, что я самостоятельно достиг системных и надежных знаний по предметам вступительных экзаменов. Если бы после этого я мог повторить школьные выпускные экзамены, то по предметам вступительных экзаменов техникума, несомненно, получил бы в аттестат только отличные оценки.

Год безмятежного счастья

В техникуме по математике и химии я получил отличные оценки и попал в пятерку тех, которые лучше всех сдали вступительные экзамены. Активное общение со всеми абитуриентами, в том числе и с теми, которые стали вместе со мной студентами техникума, и высокие знания, показанные на вступительных экзаменах, сразу же выдвинули меня в число лидеров нашей студенческой группы химиков-технологов по взрывчатым веществам. Анализируя задним числом свой личный успех, могу лишь сказать, что на вступительных экзаменах в техникум к нам были предъявлены высочайшие требования по знанию предметов вступительных экзаменов. Если бы я за месяц самоподготовки не поднял свой уровень школьных знаний на более высокую планку и не достиг нового качества в понимании основ экзаменационных предметов, то я, несомненно, получил или чистые «неуды», или слабые тройки и не смог бы стать студентом техникума.

Примером является Володя Кириллов, который закончил мою школу с более высокими оценками по аттестату зрелости, но получил на вступительных экзаменах оценки, значительно хуже моих и хуже оценок аттестата зрелости. Он целый месяц ни с кем не общался, занимался в одиночестве съемной комнаты и ходил на все консультации, но тем не менее по результатам вступительных экзаменов с трудом преодолел проходной балл и получил оценки, значительно ниже тех оценок, которые были выставлены в его аттестате. Чем я могу объяснить этот успех? Я думаю, тем, что я делал выбор не только в том, чтобы сдать вступительные экзамены и стать студентом или не сдать экзамены и вернуться в деревню. Нет. Вопрос более серьезный и кардинальный. Я делал выбор между студенческой жизнью нормального молодого человека и тюремной камерой.

Непреодолимое личное желание вырваться из порочного круга ночной воровской жизни с моими деревенскими друзьями было так сильно, что помогло мне раскрыть какой-то новый, непонятный и необъяснимый канал поглощения и накопления научных знаний. Этот канал затем обеспечил все мои творческие успехи профессиональной деятельности и сформировал из меня того человека, которым я и предстаю пред вами в своих научно-философских работах. Примечательно, что за время вступительных экзаменов в техникум, которые в общей сложности продолжались около месяца летнего времени, у меня ни разу не появилась мысль хотя бы на один вечер или на одну ночевку съездить к родителям в родную деревню. Я любил своих родителей и позже со службы и из военного училища писал им регулярно и также регулярно приезжал в отпуск. А вот во время вступительных экзаменов эту мою любовь как отшибло. Я мог бы написать письмо или отбить телеграмму родителям, что у меня все в порядке. Это дело-то одной минуты. Но не сделал даже этого. В конце концов где-то недели через три моего молчания мать не выдержала неизвестности, и сама приехала в Котовск.

Наверное, хотела убедиться, что я не бродяжничаю где-нибудь, а действительно сдаю экзамены в техникум. Формально её взволновало, что я взял с собой только 17 рублей и, по её расчетам, эти деньги давно должны быть израсходованы на питание, а значит, сын не сдает экзамены, а промышляет воровством. Она догадывалась материнским чувством, а может быть, и точно знала, находя в сарае просмоленную креозотом старую фуфайку, что мы с моим закадычным другом Иваном Лучкиным в летнее время поздними вечерами воровали старые шпалы, а на вырученные деньги покупали спиртное. В нетрезвом виде в летнее время она видела меня часто. И всегда говорила, что я своей непутевой головой стучусь в дверь тюремной камеры. Вот она и приехала в Котовск в полной тревоге за мою судьбу. Индустриальный техникум в Котовске был единственным учебным заведением, и она быстро нашла его. К этому времени моя личность была уже известна в студенческом общежитии, и она легко меня отыскала.

Мать так переживала за меня, что заметно осунулась и постарела. До сих пор не могу простить себе этого черствого молчания. Представляю, какие ужасы рисовала мать в своем воображении, не имея три недели никакой весточки от сына, который находился всего в двух часах езды от деревенского дома. Обняв мать, я её успокоил тем, что все предыдущие вступительные экзамены сдал успешно на отличные оценки. Абсолютно готов к последнему экзамену и практически являюсь без пяти минут студентом техникума. Я тут же снял её тревогу по поводу отсутствия денег. Показал три или четыре рубля, которые оставались в моем резерве. Как мог спокойнее объяснил, что городскую столовую практически не посещал, так как со мной щедро делились домашними продуктами мои новые тамбовские и местные друзья из числа поступающих вместе со мной в техникум.

Мать на глазах помолодела от моих слов, и её лицо засветилось покоем и счастьем. Тем более что все присутствующие в комнате кандидаты в будущие студенты подтвердили мои слова и расхваливали мое дружелюбие и отзывчивость. Когда мы вышли на улицу, то ещё долго и медленно шли к местному автовокзалу и делились взаимными новостями. Пригородный поезд ходил редко, а автобусы до Тамбова ходили довольно часто. Когда мы пришли на автовокзал, мать всунула мне в руку двадцать или тридцать рублей денег на питание. Я не отказался. Да мать и лично убедилась в моей экономичности и сдержанности в расходах семейных денег. Её очень обрадовало, что у меня теперь другое окружение, а значит, и деньги я не использую на пьянки и развлечения, а только на питание и жилье. Мы купили билет на автобус, а ещё через некоторое время скромно простились, и мать села в автобус.

Уехала она счастливой и окрыленной. По-моему, мама радовалась моим успехам больше, чем я сам. Так оно и было на самом деле и не только в тот раз, но и в течение всей своей жизни, до самой смерти. Когда же со мною случилось несчастье, о котором я расскажу чуть позже, то опять мама была огорчена, расстроена и убита горем в тысячу раз больше меня. Таково свойство истинной материнской любви. До детей же часто эта правда о материнской любви доходит поздно, когда мать уже умерла и ничего исправить невозможно. Лишь остается просить у неё посмертного прощения за все свои сыновние обиды и огорчения. Вспоминая то далекое лето 1960 года, я действительно могу отметить, что в новой обстановке я не только не потерялся, а приобрел всеобщий авторитет и уважение и чувствовал себя абсолютно комфортно и уютно, как «рыба в воде».

Так получилось, что не я искал дружбы с новыми городскими сверстниками-студентами, а сами они оказывали мне всяческое уважение. Автоматически, без каких-либо усилий с моей стороны, я сам собой стал одним из лидеров в своей группе первого курса химиков-технологов по взрывчатым веществам. Отмечу одно существенное для молодых лет обстоятельство. В своей деревенской школе и даже среди своих деревенских друзей и сверстников, бросивших школу, я не удосужился получить никакой уличной клички, что для нашей деревни было большой редкостью. Были, например, в моих друзьях Иван-«Гнездо», Коля-Никула, Леша-«Десячок», Толик-«Дудок» и так далее. Ни я, ни Иван Лучкин таких кличек не имели, мы оставались под своими именами. А вот в техникуме не то при поступлении, не то чуть позже мне присвоили весьма почетную кличку «Никсон».

Кличка дана в честь Ричарда Никсона, который в 1960 году был вице-президентом США, но имел огромный политический авторитет, так что в последующем, с 1969 по 1974 год, стал 37-м президентом США. Все мы знаем, что клички случайными не бывают. Они учитывают не только внешнее сходство, но и часто носят сакральный смысл подсознательного уровня. После зачисления на первый курс нам, иногородним студентам, предложили освободить общежитие и снять жилье в частном секторе. Общежитие техникума имело мало мест. Во время вступительных экзаменов, когда студенты разъезжались на каникулы, его использовали для абитуриентов, а во время учебного процесса в нем жили лишь иногородние студенты выпускного

курса, да и то не все, а только самые лучшие и самые нуждающиеся. Я даже не полностью уверен, что такое общежитие было в реальности. Вполне возможно, что это плод моей фантазии.

Предполагаю, что и никакого стационарного студенческого общежития при техникуме не было вовсе, а просто на период вступительных экзаменов расставляли койки и тумбочки в некоторых лекционных аудиториях и организовывали временное общежитие для иногородних.

Когда же набор студентов заканчивался, то всем иногородним приходилось снимать жилье у жителей города Котовска. По крайней мере, абсолютно всем моим иногородним сокурсникам, независимо от результатов вступительных экзаменов, после зачисления в студенты первого курса предложили освободить помещение техникума и подыскать себе жилье у местных жителей. Земляк по школе Володя Кириллов был так впечатлен моим авторитетом, что тут же предложил мне не искать жилье в городе, а поселиться с ним уже в обжитой им комнате частного дома. Он уже поговорил с хозяином и хозяйкой дома. Они не возражали.

Частный сектор располагался на отшибе от городских кварталов, внутри массива из соснового леса. Идти от этого жилья до техникума можно было только пешком. Дорога занимала не менее получаса времени. Но пожилая хозяйка соглашалась за 10 рублей в месяц не только предоставлять жилье, но и кормить после возвращения с занятий горячим обедом. В городе жилье было дороже, да и горячий обед имел немаловажное значение. Я посетил с Володией его тихий «уголок», познакомился с хозяйкой и хозяином. Во время беседы возникла обоюдная симпатия, и я поселился вместе с Володией в небольшой отдельной комнате, где имелись два стула и были поставлены две кровати, а между ними располагался широкий стол, за которым можно было, как за школьной партой, и мне, и Володе одновременно готовить самостоятельные занятия. С первого же курса мы изучали основы высшей математики и капитально изучали химические науки. У нас было три или четыре отдельных предмета по химии. Мы изучали общую химию, а отдельно органическую, неорганическую и, кажется, коллоидную химию.

Все это мне было интересно до крайности. Я слушал и записывал лекции. Материал полностью осваивал прямо во время лекции и без всякого напряжения получал по всем химическим предметам отличные оценки. Я серьезно решил закончить техникум и стать грамотным химиком-технологом по взрывчатым веществам, а потом продолжить образование в институте или университете по специальности химика. Я бы, несомненно, с отличием закончил техникум, если бы все три года обучения прожил с Володией Кирилловым в тихой комнате на окраине Котовска. Но, видимо, судьбу не обманешь. Вместо химика мне был предначертан путь жизненных испытаний и разочарований, который сделал из меня не химика-технолога, а офицера Военно-Морского Флота СССР, профессионала по радиоэлектронике, автоматике и вычислительной технике.

Немалую роль в изменении моей судьбы сыграла моя кличка «Никсон» и высокий авторитет среди городских студентов-однокурсников. С Володией Кирилловым мы жили дружно, но никаких взаимных интересов вне стен техникума и вне учебы не имели. Он не поддавался веяниям времени и моде молодежи на узкие брюки, ношение обуви на толстой микропоре и на высокие взбитые «коки» молодежных причесок. Володя оставался самим собой – скромным добропорядочным деревенским парнем, и главной его целью была учеба. Молодежная мода его не интересовала. Приверженцев этой моды называли «стилягами», и к ним настороженно относились администрация и комсомольский комитет техникума. Само собой разумеется, что все мои новые тамбовские и иногородние друзья оказались стилягами. Они имели проигрыватель с записями западной музыки и после занятий приглашали меня на свои «посиделки» послушать музыку и расслабиться в дружеских беседах, иногда с легкой выпивкой. В отличие от Володи, который занимался по предметам и в личное время, мне вполне хватало подготовки во время лекций в стенах техникума.

Свободное время является тяжелым испытанием для любого молодого человека. Тем более что я с детства всегда «тусовался» с деревенской компанией и привык к общению.

Видимо, по этим причинам я всё чаще стал после горячего обеда у хлебосольной хозяйки нашей съемной комнаты уходить в город и развлекаться с моими новыми иногородними друзьями и сокурсниками. Володя этому только радовался, потому что я не мешал ему и не отвлекал от учебы и занятий. Конечно, вскоре я купил на семейные деньги модный темно-зеленый костюм и туфли на толстой подошве. Брюки я перешил по моде, а мои черные волосы с помощью бриллиантина (такой крем для укладки волос) легко укладывались в шикарный «кок». Другими словами, по одежде и принадлежности к группе стилиг я тоже стал стилигой, хотя танцевать их крутые танцы не умел и не захотел учиться. Да и к западной музыке я относился весьма равнодушно.

С детства воспитанный на деревенской музыке и мелодиях русской гармошки и сам самоучкой освоивший гармошку, я никак не мог понять того восторга и обожания, которые испытывали городские ребята перед западной музыкой. А вот некоторых моих новых друзей эта музыка вводила просто в чувственно-музыкальный экстаз. Один из них так даже языком и особым пением изображал звук саксофона, стук барабана и работу других музыкальных инструментов. Просто был фанатом, готовым слушать и дублировать западную музыку много часов кряду. Он и имел кличку одного из западных певцов, но я по своему равнодушию к западной музыке даже не запомнил ни его имени, ни его клички. Но его пение и его кривляния меня не раздражали, а забавляли. Вообще-то, видимо, он был музыкально одаренным молодым человеком.

Насколько помню, иногородние сокурсники из Тамбова снимали целую квартиру и жили вместе. Они меня постоянно уговаривали оставить тихий уголок, где мы жили с Володей Кирилловым, и переехать к ним. Кличка «Никсон», уважение ко мне новых товарищей и привычка к общению наконец пересилили прелести тихого комфорта хлебосольной хозяйки. Недолго думая я переехал на съемную квартиру своих новых друзей. Между мной и Кирилловым дружбы так и не возникло. Я слегка сожалел лишь о горячих обедах хлебосольной хозяйки. Этот переезд сыграл в моей жизни роковое значение. Но кто же заранее предвидит свою судьбу? Оказалось, что в техникуме для меня учиться даже легче, чем в школе, и, вполне естественно, хотелось, чтобы свободное время протекало тоже легко, свободно и приятно, точно так, как я и привык его проводить в подростковом возрасте со своими деревенскими приятелями. Закончилось эта жажда подростковой свободы моей личной трагедией. Но изложу всё по порядку, в хронологии того далекого времени.

Предвестие трагедии

В новых условиях нам приходилось готовить самим или питаться в городской столовой. Один из моих общих друзей очень любил кефир. Бутылка кефира всегда стояла на его прикроватной тумбочке, и за это он получил соответствующую кличку. Все его стали звать «Кефиром». В техникуме ребята из нашей группы учились прилично. Никто не пропускал занятий. Мы вполне добросовестно осваивали материал учебной программы, но выделялись из остальных ребят стильной одеждой: носили сильно зауженные брюки, ботинки на микропоре и делали прическу в виде сбитых «коков». Брюки нам никто не распарывал, особо никто не перевоспитывал, но на заметку в комитете комсомола и в администрации техникума нас, конечно, взяли. О чем я догадался значительно позже. После занятий мы питались кто как мог или из общего «котла», а затем у себя на квартире слушали западную музыку, отдыхали, повторяли пройденное, кому это было необходимо, играли в «Кинг» и болтали между собой о всяких всячинах.

По возможности, когда были деньги, выпивали понемножку. Любимым занятием была карточная игра в «Кинг». Играли азартно и подолгу, но ставки были копеечные, поэтому проигрыши и выигрыши были мизерными и не влияли на финансовое положение играющих. Это было просто приятное времяпрепровождение и только. Вечерами ходили в кино, иногда на

танцы или просто гуляли по центральной улице, задирая и вызывая на разговор встречные стайки молодых подружек или одиноких девушек. Танцы я не любил до отвращения. Танцевать правильно не мог, а просто топтался в такт музыке, как попадетсЯ. Я не знаю, как это смотрелось со стороны, но сам себе я казался до крайности неуклюжим. От этого смущался и никак не мог подыскать тему для общения с той девушкой, которую приглашал на танец. Меня будто подменяли. Я сам себя не узнавал. Моя непринужденная общительность в кругу друзей таинственным образом исчезала, и я превращался в угрюмого и косноязычного молчуна.

Это так меня угнетало, что я стал посещать танцы только в том случае, когда перед этими танцами удавалось распить с друзьями бутылку вина или что-нибудь покрепче. Разговорчивости с девушками мне выпивка не прибавляла, но по крайней мере расковывала мое тело, и я лучше попадал в такт музыке. Однако всегда я приходил с танцев опустошенным и разбитым. Мне они не приносили никакой радости и удовлетворения. Непонятно, в чем причина. Эта нелюбовь к танцам сохранилась у меня и до настоящего времени. Мне больше нравилось просто гулять по улицам, играть в «Кинг» или смотреть хорошие фильмы. На выпивку, танцы и на фильмы требовались деньги, а их часто у нас не хватало. Родители не спешили наделять своих неокрепших чад большими ресурсами карманных денег. Когда я жил с Кирилловым, то сам же сообщил родителям, что мне вполне хватает 20 рублей в месяц. После переселения в квартиру к своим друзьям-однокурсникам расходы увеличились.

Просить у родителей больше, чем сам же и назначил, было стыдно. Практически я бедствовал, но родителям не признавался. Правда, когда мои друзья получали деньги от родителей, то безвозмездно и щедро делились выпивкой и продуктами. Когда я ездил в деревню, то тоже привозил домашние продукты и сторицей возвращал их своим сокурсникам. Также после получения денег покупал и общее спиртное. «Лишние» деньги быстро заканчивались. Занимать в долг было не принято, да и не было среди нас особо богатых. Родители давали сыновьям ровно столько денег, чтобы они не сидели голодными, но и не шиковали по ресторанам. Несмотря на то что мы были особой группой начинающих стилиг, все мы были достаточно благовоспитанными советскими подростками. Никому и в голову не приходило, например, употреблять наркотики или добывать деньги каким-либо воровством и мошенничеством.

Я знал о наркотиках от моих деревенских друзей, прошедших тюремную школу воспитания. Они с восторгом говорили о «конопле», «анаше», «плане» и ещё каком-то «марафете». У меня никакого интереса к этому не проявилось. В одно ухо влетало, в другое – вылетало. Никакой наркоты в те времена в моей деревне, а затем и среди студентов техникума не было и в помине. Насколько помню, мы ни разу и не заводили разговор о наркоте в своей студенческой компании. Нам вполне хватало веселости от бутылки вина, а все увеселительные расходы, в том числе и регулярные небольшие групповые выпивки, мы обеспечивали исключительно из тех денег, что нам давали родители на еду и оплату съемного жилья. Несмотря на такое праздное времяпрепровождение, учебный 1960–61 год я закончил с хорошими и отличными оценками по всем предметам. Наступили летние большие каникулы. Во время долгой зимней сессии своим городским друзьям я рассказывал о романтике деревенских ночных походов за шпалами, об обязательной ритуальной краже малины, клубники и яблок на огородах наших деревенских соседей, но поделился и мыслью, что мои более взрослые товарищи добывали хорошие деньги во время созревания клубники на огромных плантациях совхоза «Сабуровский».

Во-первых, совхозное руководство, не имея достаточного количества постоянных и даже сезонных рабочих, во время созревания урожая приглашало всех желающих для уборки урожая. Для сбора урожая клубники приезжали даже жители Тамбова и приходили жители соседних сел и деревень, желающие подзаработать. Конечно, они работали с утра и до вечера. Не помню, какая была норма, но тот, кто собирал и сдавал норму, имел право набрать ведро клубники для личного потребления или продажи. На тамбовском рынке средняя цена ведра клуб-

ники была около 25 рублей. По тем временам – большие деньги. Во-вторых, многие жители поселка, расположенного рядом с совхозом «Сабуровский», ходили собирать клубнику не днем, а по ночам. Они собирали сразу в большие корзины, а утром с рабочим поездом вывозили ворованную клубнику в Тамбов и продавали на рынке.

Никто и никогда их не преследовал ни в поезде, ни на рынке. Сам этот поселок в народе называли «граб-поселком». Люди там всегда были при деньгах, а дома были более добротные, чем во всей округе. Днем они работали в совхозе как постоянные рабочие, за зарплату, а ночами крали клубнику, а когда клубника заканчивалась, то переходили на яблоки. Этот левый ночной урожай они отвозили на рынок и немало обогащались. В нашей деревне, да и во всей округе никто их не осуждал, а наоборот, деревенские жители открыто завидовали их близости к совхозной кормушке. В совхозе были ночные сторожа, но плантаций клубники и яблок было так много, что ночные воры легко избегали встречи со сторожами. Да сторож и не имел никакого оружия. Он мог только криком и свистками отогнать от клубничной плантации ночных воров, а когда переходил на другую плантацию, то воры возвращались и доделывали свое дело.

Я не помню случая, чтобы кого-либо из постоянных ночных воров поймали. Как и не помню, чтобы кого-то не только поймали, но и осудили за такое воровство. Когда же сторож видел большую группу воров, то он и сам боялся приближаться, а распугивал ночных воров криками и свистками с большого расстояния. Мои рассказы о богатстве плодовоовощного совхоза «Сабуровский» очень заинтересовали моих тамбовских друзей. И заинтересовали именно как способ добычи карманных денег без родительской помощи. Однако первый вариант не очень заинтересовал моих сотоварищей. Целый день трудиться на жаре, чтобы заработать ведро клубники и выручить за её продажу 25 рублей, моих городских друзей не вдохновило. Можно уверенно сказать, что городская молодежь и в то далекое время физический труд не очень любила и даже презирала.

Мы все были убеждены в том, что для того и учились, чтобы работать не руками и спиной, а разумом и техническим интеллектом. А вот второй вариант ночного похождения за клубникой очень заинтересовал моих товарищей. Мы много раз к нему возвращались и обсуждали все тонкости. Конечно, моим тамбовским друзьям очень хотелось совершить опасное и рискованное путешествие за клубникой, но они опасались, что нас могут, сторожа отловить прямо на плантации и тогда не избежать если не тюрьмы, то безусловного исключения из техникума. Опасность с выбросом адреналина всегда привлекательна для молодого человека, но мои тамбовские товарищи все-таки были добропорядочными людьми и прилагали все свои творческие усилия к успешному завершению учебы. Я тоже искренне желал успешно окончить техникум, в чем мои новые друзья убедились по моей хорошей и отличной учебе. На все сомнения в успешности нашей будущей летней операции я с уверенностью и оптимизмом заверял моих тамбовских сокурсников, что знаю все тайные тропки клубничных плантаций и со сторожами мы даже не встретимся.

Мой авторитет и полная уверенность в успехе, а также желание испытать опасность и за одну трудную и бессонную ночь заработать по крайней мере по двадцатке карманных денег оказались сильнее сомнений и сильнее страха быть разоблаченным и понести заслуженное наказание. На том и порешили, что, когда в совхозе начнут сбор первого урожая клубники, я вечером в пять часов приеду в Тамбов и оповещу своих сокурсников. А далее, на вечернем рабочем поезде в 10 часов вечера мы приедем в Сабурово, часок-другой погуляем по моей деревне или просто отдохнем в скирде у меня под огородом, а затем в самую полночь тайными тропками перейдем на совхозные клубничные плантации.

По плану, набрав по ведру клубники, мы должны были вернуться на станцию Сабурово, ранним рабочим поездом в пять часов утра уехать в Тамбов и продать там клубнику на колхозном рынке. Когда во время наших каникул в совхозе созрела клубника, я приехал вечером в Тамбов и по телефону объявил сбор нашей группы из пяти человек на станции Тамбов к

отходу вечернего поезда. Все пришли в спортивной форме, с ведрами и запасами бутербродов для ночного подкрепления. Наша операция кражи совхозной клубники прошла как по маслу. Сторожа нам не встретились. Самой трудной и напряженной операцией оказалась операция непосредственного сбора клубники. Даже днем при хорошей видимости набрать ведро клубники на богатой плантации для неподготовленного человека, ни разу не собиравшего ягоды клубники, весьма трудно. А здесь мы действовали ночью, да ещё и при опасности нашего обнаружения совхозным сторожем. Адреналина выделилось у каждого из нас с избытком.

Крайняя степень возбуждения и мой инструктаж опытного сборщика клубники на собственном домашнем огороде позволили нам действовать осторожно, но достаточно быстро. Чтобы не нарвать зеленых и мелких ягод, негодных к продаже, я умолял своих друзей не спешить и, прежде чем сорвать, ощупывать каждую ягоду. Просил их шепотом уже на плантации выбирать и рвать только крупные и мягкие ягоды. Время мы не фиксировали, но сам ночной сбор ягод тянулся мучительно долго. Уже к окончанию этой медленной спешки те ребята, которые наполнили свои ведра до краев, помогали отстающим. Всё сложилось удачно. Заканчивали мы свою воровскую работу уже на рассвете. В дымке раннего рассвета можно было видеть, что ведра наполнены вполне приличными и немятыми клубничными ягодами. Окрыленные успехом, возвратились к железнодорожной станции Сабурово и метрах в 100 от здания вокзала, в лесополосе, стали ждать прибытия утреннего рабочего поезда.

Чтобы не светиться на вокзале, билетов мы не брали. В те времена много молодежи ездило не в вагонах, а на крышах вагонов. Это было обычным делом, и никто не обращал на такой способ проезда никакого внимания. Вот и мы, быстро заскочив в тамбур вагона подошедшего рабочего поезда, по очереди, передавая друг другу ведра, залезли на крышу и спокойно доехали до города Тамбова. Тамбовские ребята были плохими сборщиками, но оказались очень грамотными и терпеливыми продавцами. Они так умело торговались и так расхваливали качество своей продукции, что клубника очень скоро продавалась. Я не любил процесс продажи даже собственной клубники. Когда ещё школьным подростком я помогал матери донести до базара корзины и ведра собственного урожая клубники, то, оказав ей помощь по выбору места и приобретения весов, уходил в сторону и не мешал ей продавать клубнику.

Иногда матери нужно было отлучиться для покупки одежды или отрезов ситца и сатина для домашнего рукоделия. Я её подменял, но мне было очень неприятно стоять за прилавком и предлагать посетителям рынка свой товар. При этом я зверски уставал физически, как будто эти 30–40 минут стояния за прилавком я выполнял тяжелый физический труд. С этого и началась моя неприязнь к работе продавца. И до сих пор я считаю всевозможных продавцов великими стойками-тружениками, даже неудачниками, не нашедшими себе применения в другой работе. Причем немалая часть таких развесных продавцов трудится не за зарплату, а ради личной корысти мелкого обвешивания, чтобы обеспечить себе выгоду от продажи любого развесного продукта. В отличие от меня продажа клубники для моих тамбовских друзей оказалась приятным делом. Они исполняли её с великим удовольствием и охотой. Их, видимо, радовал процесс превращения клубники в так необходимые нам денежные купюры. Мне пришлось лишь наблюдать со стороны, как они успешно и весело торгуют ворованной клубникой.

Когда клубника была продана, мы поровну поделили выручку и были очень довольны. Каждому пришлось примерно по 23 рубля, что по тем временам были просто «бешеные» деньги. За бессонную и напряженную ночь мы так зверски устали, что у нас уже не было сил отметить успех победной выпивкой. Договорились через два дня при хорошей погоде встретиться в 11 часов вечера у вечернего рабочего поезда на станции Сабурово для повторного воровства клубники. На том и расстались. Я уехал домой, в свою деревню, отсыпаться и готовиться к очередной операции. И второй ночной поход оказался таким же удачным. Сказался опыт предыдущего ночного сбора, и мы вернулись с плантации значительно раньше. Долго при-

шлось ждать поезда, успели подремать по очереди, чтобы не проспать поезд. Однако рыночная цена клубники уже упала, и денежная выручка оказалась меньше прежней.

Договорились повторить ночной поход за клубникой и третий раз. Этот третий поход прошел без происшествий, кроме того, что мы всю ночь перемещались по совхозному саду в поисках необработанной плантации, прошли, наверное, в общей сложности километров 12–15, но так и не нашли плантации несобранного урожая. Нормальной клубники просто не было. Нам хватило её для того, чтобы набить желудки, но наши ведра остались полупустыми. Разочарование было колоссальным, а утренняя усталость от бессонной ночи и непрерывного хождения казалась просто непереносимой. Мы буквально валились с ног. Клубника сошла, и легкий заработок с риском и адреналином на этом закончился. Мы не условились об очередной встрече. Я проводил своих друзей до утреннего рабочего поезда и ушел домой отсыпаться. Все завершилось благополучно. Если я и встречался с тамбовскими ребятами до начала нового 1961–62 учебного года, то только для того, чтобы собраться у кого-нибудь из них на квартире, вволю поиграть в «Кинга» и втайне от его родителей распить между делом бутылку-другую вина.

Беда нагрянула неожиданно и там, где мы её и не ждали. К первому сентября студенты, как положено, собрались в техникуме на продолжение занятий. Но вместо занятий нас посадили в разбитые допотопные автобусы и отправили километров за 30 от Котовска в какой-то периферийный колхоз для уборки урожая картофеля. Район не помню, как и название села. Но точно знаю, что отправили нас в другую сторону от моей деревни и железной дороги, даже приличной автомобильной дороги там не было. Мы попали в настоящую российскую глубинку. Поселили нас в каком-то заброшенном доме, и спали мы на засаленных матрасах, расстеленных прямо на полу, который, видимо для отопления, был покрыт толстым слоем свежескошенной соломы. Работали мы шалаяй-валяй, но худо-бедно за день убрали приличную площадь картофельного поля. Выполняли и какие-то другие колхозные дела, сейчас уже не упомяну. Несмотря на нашу хилую работу, кормили нас как на убой, плотно и основательно, с избытком молочной и мясной продукции.

Запомнилась мне не сама работа, а ночная ловля рыбы с местными ребятами. Деревня стояла на берегу мелкой речушки, шириной всего три-четыре метра, но встречались на ней и более широкие заводи и плесы. Я быстро сдружился с деревенскими ребятами, угостил их водкой, благо что хороший резерв денег сохранился от продажи ворованной клубники. Они почувствовали ко мне и моим тамбовским друзьям искреннее расположение и пригласили нас на ночную рыбалку. Я вообще рыбалкой никогда не увлекался, хотя удочку умел держать и иногда ловил вместе с деревенскими пацанами карасей в нашем колхозном пруду. Никаких речек рядом с моей деревней не было, и других способов ловли рыбы я не знал. Оказалось, что в этой глубинке ребята используют для ловли рыбы лодку, хороший электрический фонарь и длинную острогу с металлическим наконечником.

Через час после наступления темноты рыбины в речке засыпали и становились неподвижными. Мы по два-три человека садились в лодку и начинали рыбалку. Один тихо шевелил веслом, медленно продвигая лодку по течению узкого речного протока, другой светил фонарем на дно речушки, выискивая заснувших рыбин, а третий стоял на носу лодки с острогой в готовности быстрым движением наколоть обнаруженную рыбину на острогу, вытащить её из воды и снять с остроги на дно лодки. Насколько я сейчас понимаю, такой метод рыбалки наверняка был запрещенным. Но никто об этом не упоминал, хотя деревенские местные ребята должны были знать о запрете такого способа рыбной ловли. Но если бы мы, студенты, знали о запрете, то никогда не отказались от такого быстрого способа лова рыбы. Поразительно, что этим способом лова пользовались все местные жители. Тем не менее речка была сказочно богата рыбой. Чуть ли не через каждые три минуты мы обнаруживали крупную рыбину, вытаскивали её острогой из воды и бросали на днище лодки.

Остальные рыбаки следовали за лодкой по берегу и просились самим порыбачить. После пяти-шести удачно выловленных рыбин лодка причаливала к берегу, и экипаж менялся новой тройкой рыбаков. Азарт охватил даже тех тамбовских ребят, которые ни разу не держали в руках удочку. Всем хотелось выловить хотя бы одну рыбину. Деревенские понимали нас и предоставляли такую возможность, ненавязчиво объясняя каждому новичку тайны и тонкости такого способа рыбной ловли. Через час общего азарта выловленной рыбы было достаточно на хорошую уху. В уютном месте, сызмальства известном деревенским подросткам, общими усилиями разжигали костер. Наши хозяева доставали из своего тайника заранее спрятанные там котелок, кастрюли, ножи, ложки и даже картошку, буханку хлеба и специи. Под общее ликование начиналось таинство приготовления на ночном костре рыбацкой ухи.

Была поздняя ночь ранней, но уже холодной осени. К ухе полагалось спиртное для «сугреву» и отмечания нашего рыбацкого успеха. Деревенская молодежь не имела денег, и спиртного не было заранее заготовлено, а магазин по ночам в те советские времена никогда не работал. Но я-то знал, что практически в каждом деревенском доме в 60-годах прошлого века гнали самогон для внутреннего потребления. Продавать самогон отваживались не все жители. Но находились в каждой деревне бедные многодетные семьи или просто жадные до левого заработка жители, которые ради личной наживы и мелкого обогащения продавали самогон в любое время дня и ночи. У меня и моих тамбовских друзей деньги имелись, и мы предложили местным парням проводить нас до одного из ночных шинков, чтобы отоварится самогонной выпивкой. Местные ребята замялись, но сообщили, что ночные шинки-то у них есть, но вся монополия продажи самогона принадлежит цыганским семьям. Самогон у цыган слабый и низкого качества, но, боясь цыганского проклятья, даже самые жадные местные жители деревни прекратили продажу качественного самогона.

Из-за страха местных жителей перед черной ворожбой и проклятием цыгане оказались единственными монополистами по продаже самогона. Поясню, каким образом кочевые цыганские семьи, любители свободной таборной жизни, обзавелись домами и стали оседлыми жителями глухой глубинной деревни. В то время страной правил Никита Хрущев. По его инициативе правительство СССР приняло необдуманное решение прекратить кочевой образ жизни цыган, расформировать кочующие таборы, а цыганские семьи расселить по деревням и записать в колхозники. Цыганам построили дома в отдаленных деревнях и с помощью милиции расформировали кочующие таборы, а семьи цыган расселили по деревням и записали в колхозники. Через несколько лет вся эта затея лопнула, как мыльный пузырь. Основная масса цыган побросала дома в глухих деревнях и снова вернулась к кочевому образу жизни или переселилась на окраины городов, где не было колхозов и где никто не мог их принудить к постоянной работе в колхозе или на каком-либо производственном предприятии.

Но в 60-х годах прошлого века цыгане были приписаны к деревням и считались колхозниками. Выбора не было. Деревенские отвели меня с товарищем к первому же цыганскому дому, и мы купили несколько бутылок самогона у шустрой и боевой цыганки. Предупрежденные местными ребятами, что самогон сильно разведен водой, купили несколько больше бутылок, чтобы хватило выпивки всей нашей ночной компании рыбаков-любителей. Самогон действительно оказался самого низкого качества, несравнимый с качеством того самогона, который гнали в моей деревне настоящие деревенские жители. Несмотря на это, мы без остатка выпили его под горячую уху и прекрасно провели время у ночного костра. Вернулись к себе на ночлег часа в четыре ночи. Подняли нас, как и всех, часов в семь утра. Конечно, из-за сильного недосыпа днем мы с большим трудом справлялись с уборкой картофеля. Сходили мы с местными ребятами на рыбалку ещё раз, а затем наша дружба неожиданно расстроилась.

Дело в том, что, кроме нашей сугубо мужской группы, в этом колхозе работали две группы студентов техникума по другим специальностям, среди которых были и девушки-студентки. По выходным в клубе устраивались танцы. На этих танцах сельская молодежь оказа-

лась в значительном меньшинстве. В основном на танцы приходили наши студенты, в том числе и девушки. Я не любил танцы и часто уговаривал тамбовских ребят вместо танцев закупать цыганского самогона и заниматься вечерами игрой в «Кинг». Ребята со мной соглашались. Но, как правило, мы приходили в клуб к окончанию танцев, сильно навеселе и со своим проигрывателем. Клубную музыку выключали, вокруг нас образовывался плотный круг студенческой и сельской молодежи, и мои тамбовские друзья под аплодисменты и одобрительные крики показывали мастер-класс по стильным западным танцам. Когда мы в очередной раз пришли к закрытию клуба, то обнаружили там легкий переполох и панику. Оказалось, что между студентами и местной молодежью из-за какой-то девушки произошла драка.

Студентов было численно больше. Они побили сельских ребят, и те были вынуждены покинуть клуб раньше окончания клубного вечера. На второй день я пытался организовать примирение и вечером один встретился с сельскими ребятами, с которыми мы уже дважды были на совместной рыбалке. Однако обида, что их в собственной деревне побили приезжие, была так сильна, что примирения не получилось. Они мне приказали убираться восвояси, пока самого меня не поколотили. И рекомендовали мне и моим тамбовским друзьям не попадаться им вечерами на деревенской улице, чтобы не быть невинно избитыми в качестве мести за невинное избиение их односельчан и друзей детства. По собственному опыту зная о жесткости деревенских уличных драк и существующей круговой поруке среди сельской молодежи по отношению к чужакам, я молча ретировался, ощущая спиной холодок от возможности внезапного нападения.

Угроза попасть под молотилку кольев и свинцовых кастетов деревенских парней была вполне реальная. После этого наша дружба закончилась, а мы, поздними вечерами выходя в хорошую погоду на ночную прогулку, вооружались деревянными кольями для обороны в случае внезапного нападения деревенской молодежи. Испробовав отвратительный вкус цыганского самогона, мы обратили внимание на разнообразные вина деревенского магазина, который местные жители называли «лавкой». Для приятного препровождения вечеров за игрой в «Кинг» мы стали заранее покупать в деревенской «лавке» сухое и крепленое вино. Выбор вин был богатейший. В деревне вина никто и не покупал. Если и покупали, то исключительно водку, а бутылки разных вин годами пылились на полках и покупались только к свадьбам или великим религиозным праздникам. После ссоры с деревенскими ребятами наше времяпрепровождение незначительно изменилось. В плохую дождливую погоду мы допоздна играли в карты и слушали западную музыку, записанную подпольными умельцами на рентгеновских снимках. Её еще называли музыкой на «костях». А затем ложились спать, не покидая нашего убогого жилища. В хорошую погоду сразу ложиться спать не хотелось. Хотелось адреналина, опасностей и приключений.

Вспомнив свое подростковое деревенское прошлое, я уговаривал тамбовских ребят после игры в карты совершать ритуальный поход по деревенским огородам за поздними осенними яблоками. К этому времени нас было человек семь. Этой численности было достаточно, чтобы отбиться от внезапного нападения деревенских и кучно отступить, не понеся потери. На всякий случай мы брали с собой в качестве оружия обороны несколько заранее заготовленных, прочных деревянных кольев и задами огородов предусмотрительно подальше отходили от нашего жилища. Такая предусмотрительность была мерой безопасности. Вину, в случае нашего обнаружения, всегда можно было свалить на местных ребят. Если хозяин огорода заметит на своем огороде посторонних и поднимет шум, мы планировали немедленно спастись бегством по задам огородов к своему жилищу. Конечно, пострадавший мог заподозрить в воровстве яблок студентов, но доказать свои подозрения он не мог.

Пока бы он поднял соседей и явился в наше жилище с проверкой, мы бы в это время были уже на месте и спали безмятежным сном уставших тружеников. Однако мы были очень осторожны, да и яблок из чужих садов забирали ровно столько, чтобы поесть их ещё на обрат-

ной дороге к своему жилищу. Так до конца нашей работы в колхозе никто из местных жителей не заподозрил и не обвинил нас в воровстве яблок. Беда, вызвавшая трагические последствия для моей последующей судьбы, случилась в прощальный вечер, накануне отъезда нашего студенческого отряда из колхоза. Днем в местной «лавке» мы закупили вина и вечером устроили прощальную выпивку с танцами под западную музыку. Неудобства быта, сон вповалку на полу в довольно прохладном неотапливаемом помещении всем нам изрядно надоели, и мы искренне радовались окончанию этой колхозной трудовой каторги. Заранее закупленного вина для полного веселия не хватило. Мы сбросились по рублю и отправили вооруженных кольями трех гонцов за цыганским самогоном. Деревенские могли устроить засаду и поколотить нас хотя бы напоследок. Поэтому колья были нелишними. Но все обошлось без происшествий.

Бутылка цыганского самогона стоила ровно один рубль. Таким образом, гонцы принесли семь бутылок самогона – по бутылке на брата. От коктейля вина и самогона образовалась адская смесь, которая крепко ударила нам в головы. Мы все изрядно запьянели, стали крайне отважными и смелыми, и нам захотелось приключений и подвигов. Подвиг можно было совершить только прохождением по деревенским огородам в поисках поздних яблок. На этот раз мы не ограничились одним огородом, а просто переходили из одного огорода на другой огород в поисках самых сладких яблок. Совершенно неожиданно мы наткнулись на пасеку примерно из десяти ульев. Воровство меда нами не планировалось. Но пьяные головы уже не могли отличить, что улей – это не яблоки с яблони, а частное имущество. Так вроде бы нелепая случайность обернулась для меня событием, полностью изменившим мое будущее.

Хроника преступления

Всем захотелось сотового меда, но мы боялись укусов пчел. Кто-то высказал «трезвую» мысль, что пчелы ночью спят и их легко можно стряхнуть с рамок сотового меда, а потом подальше отбежать от пасеки и деревенских огородов и на задах деревни вдоволь наесться сотового меда. Мысль понравилась. Тут же сбросили крышку с одного из ульев, взяли из открытого, глухо гудящего улья по одной рамке сотового меда и резво побежали с пасеки на отдаленные зады деревни. Хотя я был сильно пьян, но отчетливо запомнил, как мы, смеясь от возбуждения и радуясь, что нас никто не обнаружил и не забил тревогу, бойко бежали подальше от деревни. Остановились в каком-то подлеске, где присели в кружок и, уже громко переговариваясь, жевали сладкие соты, высасывая из них мед, и выплевывали сотовый воск на холодную землю. То ли мед подействовал, то ли пережитое чувство опасности, но мы заметно протрезвели. Ночной поход показался нам очень удачным. Мы получили то, что хотели, и, удовлетворенные, отправились на ночлег в свое убогое жилище.

Утром после завтрака были поданы те же разбитые допотопные автобусы, мы со своими рюкзаками погрузились в них, и часа через полтора езды по грунтовой, а затем по изрытой ухабами асфальтовой дороге автобусы доставили нас в Котовск, к зданию техникума. На следующий день начались занятия в техникуме. Мы лишь изредка вспоминали и о походах за яблоками и о последнем происшествии с разрушением улья и похищении рамок с сотовым медом. Скажу честно: никаких угрызений совести я не испытывал, да и не считал это поступок воровством. Прошло недели две времени, и в круговороте студенческого бытия вся эта работа в колхозе, наши ночные походы за яблоками, в том числе и медовая история, если не забылись, то отошли на второй план. Дальше развернулись события, которые я и сейчас считаю необъяснимой мистикой, которая была как бы специально подстроена, чтобы изменить мою судьбу.

Выходя с очередной лекции из аудитории, я вдруг увидел стоящего против дверей в полной милицейской форме нашего сабуровского участкового, капитана милиции Чурикова. Он знал всех подростков нашей деревни в лицо, в том числе и меня. Ну а уж деревенские подростки, в том числе и я, тем более знали участкового в лицо и ни с кем не могли его спутать.

Что ему тут надо? Я и в деревне не был уже больше месяца. Может быть, ему нужен не я, а кто-то другой? Но Чуриков поманил пальцем именно меня, а когда я подошел и вежливо поздоровался, то он предложил мне зайти в опустевшую аудиторию и поговорить. Оставшись наедине, Чуриков заявил, что от гражданина деревни, где мы помогали колхозу в уборке урожая, поступило заявление в милицию о краже его личного имущества – одного улья из принадлежащей ему пасеки, а вы, Николай, являетесь подозреваемым в участии и организации этой кражи. Он достал из планшета лист бумаги и ручку, положил их передо мной и сказал: «Пишите чистосердечное признание, как все было, и до окончания следствия и суда будете свободны».

Я тут же заявил, что ни в какой краже не участвовал и спросил: «При чем здесь вы, если кража произошла в другом районе, который не имеет никакого отношения к Никифоровскому району и к моей деревне, где вы являетесь участковым?». «А это уж не твое дело», – ответил Чуриков. Потом пояснил, что я прописан в деревне, где он является участковым уполномоченным и имеет законное право проводить дознание и следствие по месту моего жительства. Что-либо писать или давать признательные показания я категорически отказался. Тогда Чуриков официально объявил мне, что я арестован на период проведения следствия и дознания как подозреваемый в участии и организации кражи личного имущества. Законов я не знал, да и как можно сопротивляться участковому? Только себе хуже сделаешь. Никаких наручников на меня он не набрасывал, просто приказал следовать за ним. Мы вышли из аудитории, спустились вниз по лестнице и вышли на улицу.

Рядом с подъездом стоял милицейский УАЗ, за рулем которого сидел сержант милиции. Чуриков открыл заднюю боковую дверцу и приказал мне сесть в машину. Я молча подчинился. Он захлопнул дверцу, но сам сел не рядом со мной, а рядом с водителем. В дороге Чуриков как бы забыл про меня. Он разговаривал с водителем о каких-то милицейских делах, но я не вслушивался. В моем разуме лихорадочно прокручивались все ситуации моего дальнейшего поведения. Я был полностью оглушен и подавлен этим неожиданным арестом, а моя психика кипела поздними сожалениями об этой несчастной краже, которую я по своему деревенскому естеству и вовсе не считал кражей, а просто мальчишеской забавой. В общем-то, я не столько сожалел о краже, сколько о том морально-психологическом ударе, который я нанесу этим арестом своим родителям. В деревне ничего не скроешь, и слух о моем аресте тут же дойдет до ушей отца и матери. За отца я был спокоен, а вот выдержит ли мать такого удара? Но отступить было некуда. Свидетелей-то не было.

Никаких следов и улик тоже не было. Значит, надо все отрицать, и за отсутствием доказательств с меня снимут подозрения и отпустят. Не могут не отпустить. По дороге я выработал следующую тактику. Буду говорить, что я в этот вечер был сильно пьян. Да, мы гуляли вечером на улице с друзьями-студентами, но я не помню, чтобы мы ломали на пасеке улей и крали мед. Возможно, это сделали местные ребята специально, чтобы насолить приезжим студентам. Надо искать участников кражи не среди студентов, а среди деревенской молодежи. Продумав такую тактику, я решил до конца придерживаться этой версии и отрицать свое участие в воровстве меда. В таких лихорадочных размышлениях достаточно длинный путь пролетел как одно мгновение. Меня привезли в райцентр Никифоровка и, больше не допрашивая, поместили в одиночную камеру районного следственного изолятора. Так, совсем неожиданно для себя, я оказался на тюремных нарах. Мать оказалась права. Я открывал дверь в тюрьму головой и ногами. И вот эта дверь неожиданно открылась.

Как мне там спалось и чем кормили, я помню плохо. Каждый день не Чуриков, а какой-то штатный районный следователь вызывал на допрос и предлагал сознаться в содеянной краже частного улья, и каждый раз я повторял, что был пьян, но к краже не причастен. Через неделю меня вызвали на свидание с матерью. Видимо, о моем задержании ей сообщил сам участковый Чуриков. Вся в слезах и неописуемой горе она бросилась ко мне и умоляла во всем сознаться, если я был участником кражи. Хотя это было для меня крайне тяжело, но пришлось и матери

солгать, что я не причастен к краже. Когда я лгал и придерживался своей версии о непричастности к краже, я не столько заботился о себе, сколько старался уберечь мать от позора, что её сын, учащийся техникума, тоже оказался вором, как и его деревенские друзья-шалопай, которые бросили школу, даже не окончив десятилетку. Придерживаясь своей версии о непричастности к краже и ясно понимая, что нет никаких улик и никаких прямых свидетелей, я совершенно забыл о других участниках кражи – моих тамбовских друзьях.

Я был полностью уверен, что они тоже станут отрицать свое участие в краже и дело будет спущено на тормозах и полностью развалится. Но тут я жестоко ошибся. Как позже выяснилось, моих тамбовских друзей в изолятор не сажали, но прибывший из Тамбова по месту их прописки в Котовский индустриальный техникум следователь по очереди вызывал их после занятий в отдельный кабинет и снимал письменные показания с каждого. Он мог использовать разночтения показаний, чтобы уличить их во лжи, а мог просто убедить, что им ничего не будет, если они укажут, что организатором и инициатором кражи был Мальцев, а они просто подчинялись его указаниям. Милиция в советское время умела работать профессионально, причем без физического насилия. Ничего не скажешь – не чета современной полиции. Могу лишь сказать, что тамбовский следователь прекрасно справился с раскрытием этого преступления.

Абсолютно все мои тамбовские друзья, все до одного, дали признательные показания и в один голос письменно заверили, что Мальцев был организатором, а они действовали по принуждению, в чем искренне раскаиваются и просят снисхождения. Прошло ещё несколько дней после посещения матери следственного изолятора, и вот при очередном допросе в комнате для допросов следователь оказался не один, а вместе с участковым Чуриковым. На вопрос следователя о причастности к краже я повторил затверженную версию о своей невиновности. Тут Чуриков раскрыл свой планшет и веером разложил передо мной признательные показания моих тамбовских товарищей. Прочитав их, я был поражен до шокового состояния таким коварным предательством и желанием свалить всю вину за совершенное на меня одного. А ведь я их считал настоящими товарищами.

Ну сознались бы, слабость я бы простил, все-таки люди другой, недеревенской, закваски, но они открыто оболгали меня, что будто бы я их принудил пойти и развалить улей, чтобы украсть семь рамок сотового меда. Момент этого чтения перевернул всю мою душу, и я навсегда разуверился в надежности и прочности мужской дружбы. Я убедился, что люди разные и по себе мерить даже близких друзей невозможно. Это разочарование в мужской дружбе, которое меня охватило при чтении этих лживых доносов, сохранилось на всю жизнь. Позже, во времена своей последующей жизни, я близко и дружески общался со множеством людей, но, однажды испытав коварство предательства, уже никогда и ни с кем не вступал в доверительные отношения полной искренности. Частичная искренность возможна только в том случае, если люди объединены взаимной симпатией на основе общей любви и страсти к какому-нибудь виду творческой деятельности. Духовных соратников по моей теме творчества я не встречал, а бытовая мужская дружба обычной болтологии меня никогда не устраивала и не устраивает в наше время.

Практически полная искренность между людьми невозможна. По объективным данным главных мировых религий, духовно-телесным началом современного греховного человечества является потомство лицемера и братоубийцы Каина и его младшего брата Сифа. За прошедшие семь тысячелетий в результате половых контактов и генных мутаций все люди Земли стали в той или иной степени лицемерами и потенциальными или реальными братоубийцами. Это историческая реальность, которая подтверждается кровавыми событиями и невиданной лживостью, лукавством и лицемерием современного человеческого общества. Все мы являемся в той или иной степени лицемерами. Тот человек, который по своей ДНК-генеалогии, воспитанию или окружению стоит ближе к «Старшему брату» Каину, является и большим лицемером.

Но абсолютно искренних людей, у которых слова совпадали бы полностью с их мыслями, в наше время не существует. Также и нет людей единожды не солгавших.

Я тоже не являюсь исключением. Хотя лгал мало, но не до конца искренним даже со своим окружением приходилось бывать чаще. Во многом я стал самодостаточным и без искренней дружбы. В то же время я сохранил доверчивость к людским словам. За эту доверчивость был больно и многократно обманут и наказан, но умею прощать и в этом нахожу радость и удовлетворение. Так провел жизнь и особо от этого не страдаю. К старости пришел к твердому убеждению, что внутренняя созерцательность мне больше принесла пользы, чем любая дружеская болтовня о каких-то бытовых проблемах, которая только съедает время человеческой жизни, но не приводит к духовному совершенству. Есть и ещё один плюс. Люди к старости страдают от одиночества. Я же всегда ищу одиночества и радуюсь своему созерцательному одиночеству, как божественной награде. Даже одиночество камеры следственного изолятора меня не испугало. Тем не менее, читая в кабинете милицейского следователя так называемые признания своих друзей, я испытал глубочайшее разочарование.

Глава 3

Суд и его последствия

Развязка событий

Все это многодневное заточение в одиночной камере оказалось пустой тратой сил и нервной энергии. Но дело даже не в этом. Душа ныла и болела, что я солгал матери. Этого я никогда себе не простил и не прощу. Каюсь перед матерью и после её смерти. Припертый к стенке, я, конечно, попросил лист бумаги и сознался в содеянной краже, причем подтвердил, чтобы уменьшить вину моих бывших товарищей, что все их показания соответствуют действительности. Меня тут же отпустили. Выдали все вещи – ремень, шнурки от туфель, конспекты, деньги и документы, которые были при мне до задержания. Дали справку, что я не самовольно уклонялся от занятий, а был задержан милицией, и приказали следовать в Котовск и до подготовки материалов к суду продолжать учебу в техникуме. Я провел ночь в своем деревенском доме. Как мог успокоил родителей, что все обойдется. Отец молчал. Мать продолжала находиться в глубокой тревоге. Мои успокоения на неё не действовали. Она ожидала плохих последствий, вплоть до исключения из техникума и нового тюремного заключения.

Я и сам не знал, чем закончится следствие и суд, и потому утешить мать мне было нечем. Ранним утром, около четырех часов утра, покинул родительский дом. Успел до начала занятий прибыть в Котовск. Сдал милицейскую справку туда же, куда заболевшие студенты сдавали больничные листы. Администраторша приколола её в папку и разрешила приступить к занятиям. Когда я после длительного отсутствия появился на лекции, то больше всего удивились такому обороту дела мои бывшие друзья и «подельники» по краже меда. Наверное, они подумали, что меня, как организатора, обязательно исключат из техникума и встретимся мы только на суде. Виновато заискивая, некоторые из них пытались расспрашивать о подробностях моего пребывания в следственном изоляторе. Но я на них так посмотрел, что всякие расспросы прекратились. Меня тоже не интересовали подробности их признаний. Возникла взаимная холодная отчужденность.

Совместное проживание в одной квартире с бывшими тамбовскими друзьями для меня стало невозможным. Возвратиться к Володе Кириллову не позволяла гордость. После последней лекции однокурсники шумно ринулись из аудитории, а я продолжал сидеть и обдумывать свое положение. Решил пока забрать с квартиры в рюкзак самые необходимые вещи и переночевать на вокзале. А там что-нибудь придумаю. На выходе из аудитории встретил однокурсника Володю Иванникова. Он явно был тут не случайно, а поджидал моего выхода. За первый год учебы крепкой дружбы между нами не возникло, но взаимное уважение было обоюдным. Это был коренастый парень среднего роста с тонкими правильными чертами лица. Родом он был из южных областных городов, то ли из Липецка, то ли из Ростова – точно не помню. Умел за себя постоять. Хотя и был независим от компаний, но его уважали. Формальным стилигой по той уродливой моде он не был и предельно узких брюк никогда не носил. Однако всегда выглядел как настоящий «денди». О себе, деревенском, я и не говорю, но даже тамбовские ребята со своей крикливой одеждой выглядели перед ним неопрятными и разряженными петухами.

В нем чувствовалась порода и наследственная интеллигентность. И эта наследственная интеллигентность каким-то образом отражалась в его одежде. Кроме всегда изысканного, безупречно подогнанного и отглаженного костюма, чистой рубашки и обуви, он выделялся среди других студентов ещё и тем, что постоянно, даже в лютые холода, неизменно ходил в черном берете. Чтобы это выглядело изящно и красиво, берет надо уметь носить. Володя умел. Я и не сближался до этого с Володией Иванниковым, потому что считал его слишком интеллигентным

для моего деревенского уровня. Но вот он подошел сам и спросил: «Что загрустил? В чем проблема?». Я ему ответил, что проблема у меня на сегодня одна: «Где найти квартиру?». Кратко пояснил, что тамбовские друзья взвалили всю вину за кражу меда на меня одного и мне больше не пристало тесно с ними общаться, а тем более ночевать с ними в одной квартире. Володя предложил сходить с ним на его квартиру, где он снимает отдельную комнату, и поговорить с хозяевами. Если согласие будет получено, и, конечно, при моем согласии он не имеет ничего против, чтобы мы жили вместе.

Согласие хозяев было получено, и я в тот же день переехал жить в съемную комнату вместе с Володей Иванниковым. Отношения у нас сложились нормальные. Никакой интеллектуальной несовместимости я не заметил. Оба мы были вполне самодостаточны и независимы, а общий творческий интерес находили в освоении учебных программ, чтении книг, прогулок по городу и других специфических элементах студенческого отдыха, включая эпизодические выпивки, посещения танцевальных залов и кинотеатров. Но это все было в будущем, а первую неделю я жил в тревоге и не был уверен, что останусь студентом. Если мне дадут даже условный тюремный срок, то обязательно последует исключение. Вскоре меня вызвал к себе директор Михаил Израилевич Кривошеин (сейчас на сайте, рассказывающем об истории техникума, он фигурирует под фамилией Кривошеев) и объявил, что вопрос о дальнейшей судьбе всех семерых «преступников» второго курса химиков-технологов по взрывчатым веществам будет решаться на общем собрании второго курса с присутствием студентов всех семи специальностей, а также с присутствием милицеских работников, проводивших следствие и дознание по этому делу.

Директор откровенно заявил, что общее собрание проводится не ради меня, а ради спасения остальных шести студентов, которые стали невольными жертвами моего авторитета и моих уголовных наклонностей. Относительно моей персоны директор прямо заявил, что будет настаивать на моем отчислении из техникума и предании меня суду как организатора и инициатора преступления. Я уверил директора, что больше этого не повторится, и попросил прощения за свое поведение и причиненные неприятности. Директор остался непреклонен. Завершая разговор, он потребовал, чтобы на общем собрании присутствовали мои родители. На том и расстались. Требование по поводу родителей я проигнорировал. Их присутствие на судилище вряд ли изменило бы решение директора о моем исключении. Избежать собственного унижения я не мог, а вот спасти родителей от морально-психологического стресса и унижения посчитал своей сыновней обязанностью. Сам виноват – сам и буду отвечать.

Общественный суд

Примерно через неделю после беседы с директором в актовом зале техникума были собраны студенты второго курса всех семи специальностей. Студенческие группы по численности были не меньше, чем человек по 20. Значит, было собрано человек 100–120, а может быть и больше. Зал был набит до отказа. Сами понимаете, мне было не до счета. Состоялся или общественный суд, или пародия на нормальный милицеский суд, до сих пор не пойму, и это остается для меня загадкой. На сцене, за столом президиума, сидел директор техникума, а также многие преподаватели и руководство комитета комсомола. В центре, а может быть, и за отдельным столом сидели человек пять в милицеской форме, среди них был и мой участковый Чуриков. Как потом оказалось, там же, в президиуме, присутствовал и тот потерпевший гражданин, у которого мы разрушили улей и украли семь рамок сотового меда. Думаю, что в зале были и родители моих «подельников», но они не выступали. Началось какое-то непонятное судилище, содержание которого от стыда и волнения я практически не запомнил.

По тогдашнему советскому законодательству не особо тяжких преступников и правонарушителей, совершивших нарушения закона впервые, можно было предварительнo судить в

коллективе, где они учатся или работают. В народе такой суд называли взятием на поруки. Если обвиняемого и совершившего в первый раз реальное и доказанное преступление члена коллектива этот коллектив презирал и даже ненавидел за его шкодливый характер неуживчивого человека, то ничто не могло его спасти от законного наказания. Коллектив голосовал против взятия на поруки, и далее этим человеком занимался советский суд и милиция. Если же коллектив любил и уважал человека и не имел к нему никаких претензий, то даже уголовно наказуемое преступление до милицейского суда не доходило. Общим голосованием коллектив брал его на поруки, и на том дело заканчивалось. В какой-то мере коллектив выступал как множество общественных судебных присяжных, которые выносили голосованием решение о виновности или невиновности каждого отдельного обвиняемого.

Если они его признавали невиновным, то юридически освобождали от уголовного или административного наказания по суду и брали на поруки. Конечно, эта порука не накладывала никакой юридической ответственности на членов коллектива. Юридически-правовая ответственность ложилась на руководителя коллектива и административно-партийный и комсомольский аппарат. Инициатором общественных судов взятия на поруки могли выступать только административно-партийные органы и лично руководитель коллектива, когда им это было выгодно по тем или иным причинам. В моем случае исключение семи студентов со второго курса, да ещё и будущих секретных специалистов по производству взрывчатых веществ грозило директору серьезным наказанием. Потеря была невосполнима, ведь на первом курсе можно было доукомплектовать учебную группу абитуриентами, не прошедшими конкурсного отбора, а на втором курсе сделать такое доукомплектование невозможно. Пришлось бы доводить до диплома урезанную на одну треть группу, а это вопиющий случай.

Кроме того, наверняка родители моих шести тамбовских «подельников» в период следственных допросов своих сыновей, пока я сидел в следственном изоляторе города Никифоровка, многократно встречались с директором техникума. Я думаю, что и признательные показания их дети писали под диктовку следователя в присутствии родителей. Совершенно уверен, что сами они никогда бы не стали очернять меня и обвинять в том, что я привел их на кражу злосчастного меда чуть ли не силой. А вот родители, сговорившись, оказали на них давление, и потому все их показания оказались написанными как под копирку и с обвинительным уклоном против меня. Родители моих тамбовских друзей наверняка знали обо мне ещё по учебе на первом курсе. Тем более что некоторые из тамбовских сокурсников приглашали меня в гости. В конце концов, их дети во время летних каникул, в конце июня и первых числах июля, три раза покидали свои тамбовские квартиры и уезжали на ночь ко мне в деревню.

Отпрашиваясь у родителей, они наверняка говорили, что едут к своему сокурснику и другу Николаю Мальцеву, например, на отдых и ночную рыбалку. Иначе как объяснить родителям, зачем им были нужны ведра? Родительские сердца обмануть трудно. Они догадывались, что дело не в рыбалке, а в чем-то другом. Ведь их дети возвращались на следующий день крайне усталыми и целый день отсыпались. Вряд ли родители догадались, что мы воровали совхозную клубнику и продавали её на рынке. Другими словами, занимались групповым воровством в корыстных целях личной наживы. А это не семь рамок сотового меда. Но этот случай с воровством меда подтвердил их подозрения о неблагоприятном влиянии моей персоны на их детей, и они сделали все возможное, чтобы меня отчислили и передали дело по мне в суд, а их детей студенческий коллектив взял на поруки и освободил от судебной ответственности. Я уже сказал, что ход студенческого собрания помню, как в тумане. Началось, видимо, с того, что директор техникума, а затем милицейские работники рассказали студентам, в чем суть дела, и высказали свое мнение.

А мнение это заключалось в том, чтобы меня исключить из техникума и передать следственным органам, а остальных выслушать и после обсуждения путем голосования по каждому принять решение об исключении из техникума и суду или о взятии на поруки. Затем все шесть

моих «подельников» выступили, искреннее покаяться в содеянном и попросили прощения. Их не только высушивали, но и задавали вопросы из зала и президиума. Суть вопросов и их ответов я не помню. После этого собрание потребовало, чтобы было предоставлено слово и мне, как организатору и зачинщику преступления. В своем выступлении я не отрицал свою вину и не обвинял своих подельников. Объяснил, что в моей родной деревне имеется три частные пасеки, но ни разу не было случая, чтобы я или кто-нибудь из деревенских моих друзей, наносили ущерб пасеке или ломали ульи. И никогда не слышал, чтобы даже известные деревенские воры посягали на пасеки и крали ульи или рамки из ульев. Не было такого в деревне. А мои слова может подтвердить наш участковый Чуриков, который присутствует здесь и уже выступал перед вами.

Затем я признал свою вину, попросил общего прощения, заверил всех присутствующих, что в будущем ничего похожего никогда не повторится, и выразил готовность возместить материальный ущерб потерпевшему в том объеме, в каком он найдет нужным. И студенты, и члены президиума обрушили на меня град вопросов. Непонятно, что они хотели выяснить, но вопросов было несравнимо больше, чем другим обвиняемым. Участковый Чуриков тоже выступил и подтвердил правильность моих слов. Студенты задали ему вопрос, а были ли у Мальцева приводы в милицию до поступления в техникум? Чуриков пояснил, что таких приводов не было, но не было не потому, что Мальцев такой скромный и хороший, а потому, что жители его деревни никогда не подавали заявлений о краже с их огородов ягод и фруктов. Такие мелкие кражи деревенскими подростками в летний период совершались чуть ли не ежедневно. И он, Чуриков, знает, что Мальцев был постоянным участником подростковой компании, а значит, и принимал участие в мелкой краже ягод и фруктов с чужих огородов.

Как ни странно, но выступление Чурикова произвело обратный эффект. Студенты убедились, что раз у меня не было приводов в милицию, то никакой склонности к воровству у меня нет, а вся эта история с медом является лишь нелепой случайностью. Собственно, про себя я тоже так думал. Я никогда не испытывал склонности к воровству ради корыстных целей и считал эту историю с медом нелепой случайностью. Конечно, отвечая на вопросы зала и президиума, я этого не говорил. Приходилось быть слегка лукавым и говорить то, что хотелось услышать залу и президиуму. Но все-таки меня изрядно помучили, а ложь во спасение далась мне с большим трудом и духовным напряжением. Тем не менее я добился главного: произвел хорошее впечатление и на сокурсников, и на членов президиума. После того как нас всех заслушали и опросили, ведущий собрание предложил выступить потерпевшему, а затем всем желающим высказать свое мнение. Потерпевший оказался человеком порядочным. Он отказался от материальных претензий и одним махом простил нас всех, не делая никаких исключений.

Выступающих студентов было немного, но все они не имели к нам никаких претензий и как один предлагали взять нас на поруки. Иначе и быть не могло. Ведь практически они не несли никакой индивидуальной ответственности. Претензий к нам не было. Мы никого не обижали, а студенческое братство никто не отменял. Подошли к самому ответственному шагу – голосованию. Голосовали индивидуально по каждому обвиняемому в том же порядке, как и обсуждали. Всех моих подельников за несколько минут взяли на поруки единогласным голосованием. Когда выставили мою кандидатуру, то зал также единогласно проголосовал за то, чтобы взять меня на поруки. С моей души будто свалился тяжелый камень. Я внутренне возликовал. Радовался я рано. В президиуме раздались возмущенные голоса.

Кто-то из учителей или партийно-комсомольского аппарата выступил, надавил на то, что студенты не понимают всей ответственности принимаемого решения, и внес предложение не исключать меня окончательно, а на один учебный год отстранить от учебы и дать возможность честным трудом на химическом предприятии города Котовска доказать свою дисциплинированность и порядочность. При положительной характеристике с места работы в сентябре 1962 года Мальцев будет восстановлен в техникуме и продолжит учебу на втором курсе. Директор

кивком одобрил это предложение, и оно было поставлено на голосование. Я замер в ожидании, но зал единогласно отверг это весьма разумное предложение. Никто не поднял руку, наступило гробовое молчание. Зал снова поддержал меня и вернул мне тихое ликование и спокойствие. Попытка настоять на своем со стороны руководства техникума повторялась трижды, но все три раза студенты снова голосовали за то, чтобы не отчислять меня на год, а взять на поруки. Я не обратил никакого внимания на то, что формулировка условия взятия на поруки перед очередным голосованием руководством техникума каждый раз корректировалась не в мою пользу. Как раз при последнем голосовании зал утвердил формулировку, что если я нарушу каким-либо образом дисциплину, то «отложенное» наказание в виде отчисления на год будет осуществлено по решению руководства техникума безо всяких общих собраний студенческой молодежи.

На том и порешили, прекратив дальнейшее голосование и завершив общее собрание. Студенты отстояли меня от немедленного отчисления и очень радовались своему успеху. Много незнакомых мне студентов подходили ко мне и жали мне руку. Наша общая победа над руководством техникума была несомненна. Я тоже тихо ликовав и радовался тому, что этот кошмар наконец закончился и я могу спокойно продолжать учебу на втором курсе. А главное – скоро поеду в деревню и успокою родителей тем, что все обвинения с меня сняты и я продолжаю учиться и получаю только хорошие и отличные оценки на всех контрольных опросах и экзаменах. Я совершенно не осознавал, что решением «о немедленном отчислении при малейшем нарушении» под мою судьбу была заложена мина замедленного действия. Не знаю, как в наше время, но в советские времена часть слабых студентов, чтобы избежать провалов на экзаменах, добровольно становились тайными осведомителями руководства института о всех дисциплинарных проступках и даже о нежелательных разговорах своих сокурсников. По своей деревенской наивности и простоте я об этом не знал. И даже не мог себе помыслить, что люди способны на такую подлость и добровольно становятся тайными осведомителями.

Отложенное наказание

Я продолжил учебу и даже не догадывался, что нахожусь под незримым оком какого-то тайного осведомителя среди моих сокурсников. Зимнюю экзаменационную сессию, несмотря на повышенное внимание экзаменаторов к моей персоне «вора» и «хулигана», я с блеском сдал на хорошие и отличные оценки. Но, видимо, от судьбы не уйдешь. Не было мне на роду написано стать химиком-технологом. В феврале 1962 года на занятиях по физкультуре мы должны были пробежать 10 километров на лыжах с выставлением оценок. Ещё со школы я имел второй разряд по лыжам и не сомневался, что получу пятерку. Так бы и случилось, но или я запутался, опередив всех своих сокурсников, или какая-то непреодолимая сила подсознания вмешалась в мою судьбу, но я срезал часть дистанции примерно один километр трассы.

Когда до меня окончательно дошло, что я натворил, было поздно что-то менять. Я замедлил гонку, буквально полз по трассе со скоростью ниже пешехода, ожидая, когда меня догонят мои сокурсники. Пропустив 5–6 сокурсников вперед, я финишировал вслед за ними, надеясь, что никто не доложит преподавателю физкультуры о моем проступке. Надежды были напрасны. Возвращаясь с трассы в техникум, неизвестный до сих пор для меня осведомитель шепнул на ухо преподавателю о моем проступке. Когда мы сдали лыжное снаряжение и заменили спортивную одежду на повседневную, преподаватель физкультуры объявил, что результат прохождения десятикилометровой дистанции для студента Мальцева ликвидируется, а ему выставляется неудовлетворительная оценка по физкультуре за умышленный обман и срезание дистанции. Я выразил готовность пересдать экзамен и пробежать эту лыжную дистанцию с любой очередной студенческой группой. Все мои пожелания были сходу отвергнуты. Пре-

подаватель был неумолим. До меня ещё не доходило, что все наши преподаватели получили негласный приказ директора школы, чтобы найти предлог для моего отчисления.

Уже через несколько часов меня вызвали к директору техникума, который объявил приказ о моем отчислении с правом восстановления через год на второй курс, в январе 1963 года, при условии моей работы на пороховом заводе (п/я 33) города Котовска и получении положительной характеристики с места работы. При этом директор категорически приказал мне прибыть за получением документов об отчислении вместе с родителями. Он также сообщил, что на пороховой завод уже дано уведомление о принятии меня на работу. Попросил не терять времени и побыстрее привести родителей для передачи мне документов (аттестата зрелости и ведомости с экзаменационными оценками за три сессии) в их присутствии. Дальнейшее посещение занятий мне было запрещено. Вышел от директора я ошеломленным, слабо соображая, что произошло. Переживал я не за себя, а за родителей. Для них это отчисление станет громом среди ясного неба и приведет их в шоковое состояние беды и горя.

Другого выхода не было, и я с тяжелым сердцем и душевной болью отправился в деревню сообщить о своем исключении из техникума. Как мог подготовил родителей, чтобы смягчить их боль от моего сообщения. Уговорил мать не ездить в Котовск и не унижаться просьбами о снисхождении. За документами мы отправились вместе с отцом. С отцом я тоже договорился не просить директора техникума об отмене его решения, потому что к этому времени осознал, что его решение бесповоротно и окончательно. При встрече с директором отец не выдержал молчания и обратил его внимание на экзаменационную ведомость, где были выставлены отличные и хорошие оценки по всем предметам, кроме двойки по физкультуре. Абсурдность ситуации с этой двойкой по физкультуре была очевидной. Она вообще не должна быть внесена в ведомость по всем нормам того времени. Это была просто издевка со стороны директора. В школьные годы я самостоятельно занимался физкультурой. Имел собственную штангу, набор гантелей, коньки, лыжи и даже соорудил приличный турник на задворках огорода. По бегу на дистанции 3 километра и на дистанции 800 метров показывал уровень 2 разряда, а по лыжам официально имел документально подтвержденный 3 разряд.

Я без напряжения на турнике исполнял выход силой, делал многие упражнения 2–3 разряда сложности; мог подтягиваться до пятидесяти раз и даже по несколько раз мог подтянуться на одной правой или левой руке. При собственном весе в 67 килограмм легко выталкивал одной правой рукой штангу такого же веса. Физкультуру и спорт я любил и занимался в школьные годы физическими упражнениями добровольно в свободное время. Скажу по совести, что по физкультуре я входил в пятерку или даже тройку лучших спортсменов нашей студенческой группы. И конечно, двойка по физкультуре как основная причина для моего исключения выглядела как изощренное издевательство. Тем не менее жаловаться я никому не собирался. Какой-то внутренний инстинкт подсказывал, что сопротивляться судьбе не надо. Тем более, что пороховой завод – это не тюрьма. Да и работа на заводе оторвет меня от деревенской кампании собутыльников и мелких воров, что даст возможность вернуться в техникум. Выслушав приказ директора о причине моего отчисления, отец заметил, что эту двойку сын готов в любое время исправить, так как ещё в средней школе участвовал в межрайонных школьных соревнованиях по лыжам и на дистанции 10 километров получил 3 спортивный разряд, что соответствует пятибалльной оценке по требованиям физической подготовки студентов техникума.

Но директор техникума был неумолим. Лишь значительно позже я догадался о коварстве его замысла. В техникуме меня могли восстановить только с января 1963 года, а в ноябре 1962 года я подлежал призыву на срочную службу в ряды ВС СССР. Не будучи студентом, я терял право на отсрочку и подлежал призыву на общих основаниях. Таким образом, исключая меня на год из состава студентов техникума, директор автоматически загонял меня на срочную службу в полной уверенности, что я уже никогда не вернусь в число студентов вверенного ему техникума. Так и случилось впоследствии. Когда я оформился через отдел кадров рабочим

порохового завода в должности химика-аппаратчика, получил комнату в заводском общежитии и прописку в городе Котовске, так сразу же получил повестку из военкомата о постановке на учет и прохождении медкомиссии. Уверен, что сложенная машина моего скорого вызова в военкомат сработала с помощью звонка директора техникума.

В военкомате после прохождения комиссии меня как бы случайно приписали к службе в Военно-Морском Флоте. Она отличалась от службы в рядах Советской Армии тем, что продолжалась не три, а четыре года. Я думаю, что и к флотской четырехлетней службе меня «приговорил» директор техникума. Возражать тоже было бесполезно. Фактически моя работа на заводе с марта по ноябрь 1962 года стала периодом ожидания призыва в ВМФ на четырехлетнюю срочную службу. По вредности производства рабочие смены продолжались по шесть часов в день. Мой же рабочий день как подростка продолжался только четыре часа. С работой я справлялся безупречно и успел за это время повысить свою квалификацию с 3 на 4 разряд. Моя зарплата от этого значительно повысилась. Насколько помню, это были просто бешеные деньги для недавнего деревенского жителя. Моя получка была раза в полтора больше получек моих родителей. Такова была разница между городом и деревней. Меня, как и других рабочих вредного цеха, снабжали бесплатным молоком, а в заводской столовой было прекрасное питание, не хуже, чем в иных советских ресторанах. Блюда были представлены широким ассортиментом и стоили буквально копейки. Стоит отметить, что это был период хрущевского коммунизма. Хлеб во всех органах общепита был бесплатным, и его каждый человек брал столько, сколько ему необходимо.

Напомню, что такой хлебный коммунистический беспредел происходил во всех городах и всех бескрайних просторах СССР. Эта щедрость была нелепа и не подготовлена. Немудрено, что через этот коммунистический перегиб вскоре все хлебные резервы страны разбазарили и скормили скоту, а хлеб стали покупать за границей, чего никогда не было в царские времена и даже во времена Великой отечественной войны и сталинской эпохи. В реальности под прикрытием идеи коммунизма в широком масштабе был осуществлен злой умысел подрыва зерновой базы Советского Союза. Работа на заводе не тяготила меня и как пора ожидания призыва на военную службу вполне меня устраивала. Но в будущем я не видел себя рабочим и не собирался возвращаться на пороховой завод даже в каком-либо ином качестве. Я охладел и к техникуму, и к химии вообще, а значит, и к своей будущей специальности. Когда я освоил навыки работы, то мне стало скучно.

Ко мне все рабочие порохового цеха относились ласково и дружелюбно, а бывший выпускник техникума, откуда я был с треском изгнан, проникся ко мне искренним участием и заботой. Он показал всю технологическую цепочку производства пороха, которую он контролировал, и объяснил собственные функциональные обязанности. Обязанности были очень простые. Зная химию и технологию производства пороха, даже я, недоучившийся студент, легко бы с ними справился. Он приглашал меня в гости, с гордостью показывал свою однокомнатную квартиру, расхваливал телевизор последней марки и всячески демонстрировал свое финансовое благополучие, чтобы убедить меня вернуться после срочной службы в техникум и завершить получение образования химика-технолога. Однако за время полуторагодового обучения я получил опыт накопления знаний и приобрел уверенность в своих силах. Комплекс неполноценности моего школьного образования исчез и растворился. Подспудно я уже не хотел продолжать обучение в техникуме. Зачем терять ещё полтора года времени, если после службы я могу спокойно поступить в институт и получить высшее образование? Во время моей заводской работы все было хорошо, кроме чувства одиночества.

Сейчас я радуюсь своей свободе одиночества и внутренне утомляюсь от любого бытового общения даже с соседями по даче. Мне вполне хватает внутреннего диалога самим с собой, а также информационного потока от телевизора и Интернета. В дни юности и взрослой жизни все было наоборот. Я привык и привязался к деревенской компании, а затем и к компании сокурс-

ников по училищу. Я никогда не стремился занять место лидера, но тем не менее через общение с единомышленниками получал внутреннее успокоение и чувство полноценности жизни. Во время работы на пороховом заводе я изолировался от обеих компаний и от этого чувствовал себя одиноким. Для меня было большой проблемой, чем занять себя в свободное от работы время. В ноябре 1962 года меня призвали в ряды Военно-Морского Флота и отправили в учебный отряд морского города Кронштадта. Я тут же позабыл о моих муках одиночества. Жизнь в воинских коллективах с суровым распорядком дня и жесткой дисциплиной не казалась мне никогда комфортной и уютной, но непрерывное общение с такими же мучениками дисциплины приносило мне чувство самоуважения и полноценности земного существования. Из четырех лет обязательной флотской службы я отслужил матросом срочной службы два года, а затем поступил в Высшее Военно-морское училище радиоэлектроники им. А. С. Попова в городе Петродворце под Ленинградом и в 1969 году окончил это училище с «Золотой медалью».

Вот современную молодежь пугают неуставными отношениями на военной службе. В дни моей двухлетней срочной службы ничего подобного не было и в помине. Карибский кризис 1962 года поставил СССР на грань войны с США. Демобилизация выслуживших свой срок матросов и солдат была на неопределенный срок задержана. На надводном корабле, где мне пришлось проходить срочную службу, ряд старшин служили по пятому году и были этим очень огорчены. Тем не менее никто из них не издевался надо мной и ни разу не обидел не только рукоприкладством, но даже косым взглядом или пренебрежительным отношением. К моему собственному удивлению и внутреннему изумлению, во всех воинских коллективах я чувствовал себя как рыба в воде. Я легко адаптировался к любой человеческой среде, не прилагая к этому никаких усилий. При этом я не старался быть лидером, а всегда стремился к равенству и товарищескому взаимопониманию.

Возможно, вот эта легкость адаптации к воинской среде, а также несомненная искренняя внутренняя любовь к родной земле и её многонациональным народам и подвигли меня стать профессиональным офицером ВМФ, связав свою жизнь с нелегкой обязанностью защитника Родины. Сейчас многие либеральные демократы и другие забесовленные политики, мечтающие развалить Россию и лишить её военной мощи, вопиют с экранов телевизоров и в других СМИ о своем патриотизме и любви к Родине, уверяя нас, что ради благосостояния и комфорта жизни можно и нужно пожертвовать обороной, значительно сократить Вооруженные Силы и свернуть военную промышленность. Например, такими лукавыми патриотами выставляют себя Борис Надеждин, Сергей Митрохин, Владимир Рыжков и другие «инакомыслящие». Не верьте им, господа читатели! В наше время военно-политической мощью США и Европы тайно и явно управляет черная аристократия, которая является духовной наследницей Атлантиды и тех мифических инопланетных богов, которые в допотопные времена в реальности владели огромными территориями и управляли большей частью земного человечества, кроме территории и народов Гипербореи и современной России.

Когда эти Киборги и подчиненные им атланты накапливали силы, они всегда шли войной на Гиперборею и всегда терпели поражение. Россия была и навсегда останется наследницей Гипербореи и защитницей интересов Бога Всевышнего. И только по этой причине она всегда будет являться объектом ненависти мировых богоборческих сил, а значит, демонизироваться в глазах мирового сообщества, подвергаться санкциям и провокациям, а также представляться в СМИ как агрессор и носитель мирового зла. Последним сражением мирового масштаба наследников Гипербореи с наследниками атлантов была Великая отечественная война 1941–1945 годов между СССР и народами Европы. И опять СССР – Россия вышла победителем из этой мировой бойни и продиктовала правила мирного договора, которые почти 40 лет обеспечивали паритет сил наследников Атлантиды и наследников Гипербореи, принудив черную аристократию Запада прекратить непосредственные военные действия. Правда Запад тут же объявил наследникам Гипербореи холодную войну и стал готовить реванш за свое пора-

жение, но тем не менее мир получил короткую мирную передышку и шанс на продолжение существования и экономическое развитие.

Как представители Бога Всевышнего, наследники Гипербореи не могут противодействовать наследникам атлантов провокациями и любыми другими методами, выходящими за рамки нравственности и справедливости. А вот черная аристократия Запада имеет на это право, потому что замыкается не на Бога Всевышнего, а на хозяина «беззакония», на «человекоубийцу от начала и отца лжи», которого Иисус Христос назвал духом дьявола. В 1980 году разведка СССР добыла трехтомник подлинных материалов по планам уничтожения СССР, который называется **«Гарвардским проектом»**. Несмотря на эти знания планов, начиная с 1985 года (строго по плану и даже в назначенные планом сроки) началась реализация первой части плана под названием «Перестройка». С 1995 года началась реализация второй части плана под названием «Реформа». Забуксовал этот дьявольский план лишь при реализации третьей части плана под названием «Завершение». Уже к 2005 году Россия должна была быть разделена на ряд мелких государств и стать протекторатами США, Германии, Франции, Англии и Японии. В связи с пробуксовкой этого проекта разработан более детальный план уничтожения России под названием **«Хьюстонский проект»**.

Я не буду излагать подробности этих проектов, потому что их легко можно отыскать в Интернете, набрав в поисковой строке Яндекс названия этих проектов. Запомните, господа читатели, современные потомки атлантов в лице черной аристократии тайной и явной управляющей элиты обобщенного Запада под руководством США всегда будут продолжать попытки уничтожения народов России как духовных наследников Гипербореи. И добившись своей цели, будут беспощадны к народам России, как они были беспощадны, например, к аборигенным племенам индейцев Американского континента. В случае нашего добровольного отказа от государственного суверенитета и демонтажа ВПК и Вооруженных Сил нас и наше потомство ждет не благоденствие и процветание, а суровый геноцид с целью многократного сокращения численности населения, жизнь в резервациях, чипизация и рабский труд ради процветания «золотого» миллиарда и руководителей мировой фашистской империи в лице потомства атлантов, идентичного с потомством «Старшего брата» по имени Каин.

Не будет нам никакой пощады и снисхождения, потому что в черной аристократии Запада, стоящей у руля политической и финансовой власти, живет вечное чувство мщенья, и неутолимая жажда взять реванш за все прошлые поражения. Разве вы не видите, что малейшие попытки России защитить свои права на принципах справедливости и добровольности, как, например, при возврате Крыма в состав России, или справедливая поддержка любящих Россию народов Донбасса, как эти попытки тут же становятся кошмаром для управляющей элиты черной аристократии западной цивилизации и вызывают в них ярость, злобу и обострение неприкрытой ненависти. А западная пропаганда представляет все эти вполне законные и справедливые действия как акты чудовищной агрессии и, распространяя ложь, способствует принятию незаконных односторонних экономических и политических санкций против властей и экономики России.

Стоит ли нашим политикам и аналитикам кричать на всех перекрестках о лживости и двуличии Запада и лишать право голоса и доступа к СМИ доморощенных крайних либералов и тайных врагов России? И стоит ли нашим журналистам и политикам использовать в качестве контрпропаганды ложь, двойные стандарты и провокации? Ни того, ни другого делать не стоит. Во-первых, если мы будем огульно очернять Запад, не отделяя черную аристократию и их подручных от народных масс Европы, Америки и всего остального мира, и отступим от принципов правды и справедливости, то мы сами станем подобием наших лукавых врагов и оттолкнем от себя тайно сочувствующих нам жителей Америки, Европы, Украины, Польши, республик Прибалтики, а также жителей и граждан всех других государств мира, которые внимательно наблюдают за поведением России на международной сцене и во внутренней политике. Высшее

политическое руководство России правильно делает, что называет наших тайных врагов политическими и экономическими партнерами. Главное не впадать в истерику ответной ненависти, даже при провокациях и незаслуженных обидах.

Стараться не плодить и не разжигать их ненависть шумными разоблачениями, а соблюдать нравственность и справедливость и при этом четко знать, и понимать, что отступать нам некуда. Мы не должны допускать ошибки и делать уступки в ущерб собственному суверенитету, ибо всякая ошибка или уступка суверенитета может стать спусковым крючком для нашего экономического и политического порабощения с последующим истреблением русского языка и православной веры. Впрочем, более подробно и обстоятельно причины и корни извечного противоборства и вечного желания уничтожить Гиперборею и её духовных наследников сначала Киборгами-инопланетянами, а затем и генно-модифицированными методом генной инженерии атлантами и их современными духовными наследниками, сосредоточенными в потомстве Каина, а также в орденах и ложах западной цивилизации, мы с вами рассмотрим во второй части этой книги. Скучно не будет. А сейчас я продолжу свои воспоминания о советском прошлом.

Обзор жизненных событий

Всего я отдал флотской службе практически 31 год своей жизни. Из них 2 года жил во флотских казармах и кубриках надводного корабля, 5 лет в казармах военного училища и 11 лет в каютах атомного подводного крейсера стратегического назначения Северного флота. Другими словами, непрерывно и круглосуточно, с небольшими перерывами на отпуск, 18 лет своей жизни провел в воинском коллективе. Подчеркну, что училище я закончил в 1969 году по специальности инженер «по автоматике, телемеханике и вычислительной технике» с золотой медалью. К моему полному изумлению, специальная комиссия подсчитала, что, начиная от вступительных экзаменов и за последующие пять лет обучения с десятью экзаменационными сессиями, и даже в промежутках между ними я не получил ни одной оценки ниже пятерки. Это был фантастический триумф абсолютного первенства среди всех своих 20 сокурсников по этой специальности, да и вообще по всему третьему факультету специалистов по радиоэлектронике.

Если вы не забыли, то напомним, что из техникума меня отчислили в 1962 году за двойку по физкультуре. Спорт я после этого не занимался, но при поступлении в училище в 1964 году и в первый год обучения мои спортивные результаты были так высоки, что я на порядок превосходил всех своих сокурсников во всех видах физической подготовки, включая и бег на лыжах. Преподаватель физкультуры после занятий в спортзале на первом курсе освободил меня от общих занятий по физкультуре и разрешил заниматься самостоятельно. И был прав, потому что я на одной правой или левой руке мог подтянуться большее количество раз, чем любой мой сокурсник подтягивался на двух руках. Удивительно, что эти физические слабaki, мои однокурсники, среди которых были и два нахимовца, выбрали для себя тяжелую службу морского офицера. Первые два года обучения в училище я не познал ничего нового. Я использовал базу химического техникума и знания, полученные на флотской службе в результате изучения многочисленных учебных пособий по всем дисциплинам, для поступления в высшие учебные заведения. Надо сказать, что в те времена пособия для самоподготовки к поступлению в вузы обладали безупречной логикой и краткостью изложения материала. Я и не запоминал формулы, а понимал их физический смысл. Более прочных знаний, чем те, которые я получил самостоятельно, а затем закрепил за пять лет военного училища, невозможно себе вообразить.

Флотская специальность начальника радиотехнической службы атомного подводного ракетного крейсера стратегического назначения постоянно требовала научного совершенствования и даже развития научного прогноза и интуиции. Об этом я написал в своей книге «Хроника духовного растреления». В 1980 году меня перевели на подмосковный объект «Дуброво»,

который находился на стадии проектирования. Сам этот объект представлял собой часть глобальной опытно-конструкторской работы оборонного значения, и главным конструктором был недавно умерший (в марте 2016 года) академик Анатолий Иванович Савин. Жилья для офицеров там не было, и меня попросили снять жилье в городе Москве и временно прикомандироваться к Радиотехническому управлению ВМФ, где я с головой окунулся в реальную научно-техническую работу, и напрямую на равных взаимодействовал с гражданскими и военными докторами и кандидатами технических наук, и при этом не выглядел белой вороной. Что касается глубинного проникновения в основные фундаментальные законы физики и электротехники, то у меня на это не хватало времени.

Я им бесконечно доверял и в какой-то мере принимал их на веру, как религиозный человек принимает догматы и религиозные заповеди. Можно сказать, что в это время я был, в плане освоения научных знаний, интуитивным попугаем. Вот таким же интуитивным попугаем я был и во время учебы в школе, в техникуме, а затем и в высшем Военно-морском училище. Науки мне давались легко именно потому, что я не вникал в глубины тех знаний, которые получал от своих преподавателей. Я был молод, наполнен жизненной энергией, непрерывно решал текущие проблемы бытия, накапливал знания и жизненный опыт, и мне было некогда остановиться и проанализировать, что там хранится в моей копилке научных знаний и житейского опыта? Принцип «попугайства» сработал безупречно. Повторю, что для меня явился полной неожиданностью суммарный результат моего обучения в военном училище. Когда перед выпуском из училища комиссия преподавателей проанализировала мои оценки за пять лет обучения, то оказалось, что я с первого раза сдавал все зачеты и ни на одном экзамене не получил ни одной оценки ниже пятерки. В красном дипломе я был уверен, но мне ещё и вручили по результатам учебы «Золотую медаль», что явилось для меня приятной неожиданностью.

Глава 4

Как я пришел к критике фундаментальных законов науки

Разочарование в фундаментальных законах

Чтобы собственным разумом прийти к критике истинности, например, механических законов Ньютона, его же закона всемирного тяготения, к критике основ теории относительности Эйнштейна, а тем более к критике и даже полному отрицанию истинности основополагающего закона современной науки о сохранности количества энергии при любых материальных взаимодействиях, мое сознание и мой разум прошли длительный путь внутреннего самосовершенствования. Мой разум шел от полной и безусловной, в какой-то мере даже неколенимо-религиозной, веры в законы науки и полного доверия к научным авторитетам прошлого и настоящего, сравнимого с их обожествлением, сначала до частичного разочарования, а потом и до полного понимания фактической ложности практически всех фундаментальных законов, которыми манипулирует современная наука. Как происходило изменение внутреннего самосознания от обожествления законов науки до их критического осмысления, а затем и до полного отрицания, даже мне самому понять невозможно.

Я и привел некоторые факты своей биографии о детстве, о школьных и студенческих годах, чтобы помочь прежде всего самому себе понять, как происходило научно-философское формирование моего сознания и моей личности. Но от этого изложения биографических данных ясности не добавилось. Но факт остается фактом: где-то в возрасте 60 лет, то есть в 2003 году, я полностью осознал ущербность и неполноту не только теории относительности Эйнштейна, но и сокрытую ущербность и неполноту всех четырех законов Ньютона. Это случилось, когда я обнаружил физическую природу и источник вселенского поля гравитации, а также вычислил частоту этого поля, равную 3 умножить на 10 в 33 степени герц, и асимметрию 1 к 7 продолжительности сжатий и расширений как причину проявления механической материи в виде присутствия того или иного значения массы. Пространство тоже синхронно с материей сжимается и разжимается, но импульс сжатия на шесть отрезков времени продолжается дольше импульса отталкивания, точно так же, как и в материи.

Причем импульсы сжатия и расширения происходят одновременно во всем необъятном объеме пространства Вселенной, независимо от того, за сколько миллиардов световых лет в ту или иную сторону от наших глаз находятся те или иные материальные объекты и само пространство. За счет инерциальности механических масс, которые слабо реагируют на короткий импульс отталкивания, но заметно реагируют на длительный импульс притяжения, и происходит иллюзия, что в материальном мире действует только односторонняя сила притяжения. В некоторой степени я не поверил даже сам себе. Законы Ньютона являются фундаментом науки уже не одно столетие, и никто их открыто не критикует и не сомневается в их правильности. Кто я такой, чтобы, даже не будучи ученым, посягать на фундаментальные постулаты научных знаний? Не один год я самостоятельно формировал свое новое мировоззрение в полной изоляции от каких-то контактов с учеными и историками. Десятки и сотни раз я мысленно перепроверял свою теорию гравитации и все более убеждался в её правильности. Короче говоря, моя душа и мое самосознание долго созрели, прежде чем я решился на публичное изложение своих идей в научно-философских работах.

Лишь когда я убедился в том, что не буду безграмотным посмешищем в глазах мирового научного сообщества, я осмелился изложить свое видение мира и свой взгляд на природу Вселенной и земной жизни в 14 научно-философских работах, опубликованных издательством «Алгоритм» в период с 2009 по 2016 годы. Никакой заметной реакции со стороны научного

сообщества не последовало. Что это означает, покажет будущее. Меня это молчание несколько не расстраивает. Таким же молчанием официальная наука встречает и все другие альтернативные гипотезы происхождения Вселенной и человека, а также гипотезы инопланетного влияния на наше земное доисторическое прошлое, когда эти гипотезы исходят не из недр официальной науки, а от представителей альтернативной науки. В этом году я провел себе на дачу полноценный интернет и убедился, что многие видеоблоги YouTube и сайты Яндекса буквально кипят от множества теорий и гипотез альтернативной науки и альтернативной истории земного человечества. Причем многие эти новые альтернативные гипотезы и мнения имеют под собой солидный фундамент.

Например, в области бестопливных технологий с использованием эфира демонстрируются не только работающие экспериментальные образцы с КПД больше 100 %, но даются схемы и чертежи их изготовления. По альтернативной истории демонстрируются реальные артефакты, которые убедительно доказывают, что доисторическое человечество, в том числе и инопланетяне, обладали такими совершенными технологиями в области строительства мегалитических сооружений, в области изготовления и использования летательных аппаратов и использования энергии эфира для военных и мирных целей, которые и не снились современному мировому научному сообществу. Тем не менее наука на них никак не реагирует. И даже создала национальные органы борьбы с лженаукой, своеобразную научную инквизицию, которая сначала унижает, осмеивает и выбрасывает из рядов ученых всяких инакомыслящих, а затем их тихо убивает как бы при бытовых обстоятельствах или они скоропостижно умирают от неизвестной болезни.

Хотелось бы сказать, что наука уподобилась страусу, который от приближающейся опасности засунул голову в песок, ничего не видит и не слышит, но это не так. Этот ученый страус все видит и слышит, но делает вид и изображает из себя слепого и глухого и всякий раз по возможности смертельно мстит инакомыслящим или их просто убивает. Вот и я, начав публикацию своих научно-философских книг, невольно стал врагом официальной академической науки. Согласитесь, чтобы вступить в публичную полемику с официальной наукой по содержанию фундаментальных законов науки, нужно иметь прочный фундамент нового знания, а также иметь логические и ясные доказательства несостоятельности, неполноты и даже ложности, например, тех же законов Ньютона, включая закон всемирного тяготения или основы теории относительности. До ноября 2015 года я шесть лет критиковал в своих работах законы Ньютона и теорию относительности Эйнштейна, будучи полностью убежден, что ошибки в их научных взгляды и фундаментальные законы внесены не по злему умыслу, а по непониманию природы поля гравитации и недостаточно глубокому проникновению в божественную сущность энергетических процессов пространства и материального мира Вселенной. Каково же было мое изумление, когда я узнал истинные причины, побудившие Ньютона, а затем и Эйнштейна направить науку на ложный путь развития.

Причем главная цель ложности их теорий и законов заключается в том, чтобы их последователи не смогли определить управляющую роль Бога Всевышнего во всех материальных процессах. А вся энергетика этого мира представлялась для будущих ученых как вечное и бессмысленное самодвижение материи без её эволюции от механических масс до эфирной субстанции первородного духа и даже без расходования энергии. Мои глаза на истинные причины научных заблуждений этих общепризнанных гениев науки открылись после того, как я получил нормальный доступ в Интернет и стал читать сайты и прослушивать видеолекции многих сегодняшних ученых альтернативных направлений исторических и физических научных знаний. По критике теории относительности наиболее аргументированными и научно обоснованными оказались работы и лекции питерского ученого, кандидата технических наук Сергея Салля.

Он-то как раз не критиковал законы Ньютона, но он сообщил удивительные факты биографии Ньютона, о которых умалчивают официальные научные и научно-популярные издания.

Тайна гениальности Ньютона

То, что этот гений был главой королевского казначейства Англии, я знал, но относил эту побочную от науки деятельность на счет многогранности его талантов. Я также знал о тайне «Приората Сиона», который издревле, ещё с допотопных времен, представляет собой сообщество избранных людей, которые являются хранителями генофонда, передатчиками и распространителями генно-наследственных духовных качеств инопланетных рептилоидов, атлантов и потомства Каина и составляют ядро и основу черной аристократии западной цивилизации, и духовный центр мирового зла и богоборчества. Естественно, что и манускрипты тайных знаний, полученные ещё от древних инопланетных рептилоидов-анунаков, тоже хранятся в тайных библиотеках «Приората Сиона». И вот с великим изумлением я узнаю, что Исаак Ньютон был не просто гениальным ученым, а был по каким-то родственным признакам назначен Навигатором «Приората Сиона». Как Навигатору этой дьявольской организации, ему был открыт доступ ко всем накопленным тайным знаниям, переданным в пользование «Приората Сиона» от допотопных и после потопных рептилоидов-анунаков.

Опираясь на эти знания, Ньютон не открыл законы мироздания, а наоборот, он их надежно спрятал, а будущим ученым **предписал** близкие к правде, но ложные законы механики и обрезанный закон всемирного одностороннего тяготения-притяжения. И делал он это не потому, что не понимал тайну образования центров тяжести механических тел, которые на уровне макромира и в микромире являются источниками когерентных гравитационных асимметричных сжатий и расширений, образующих стоячую волну поля гравитации сразу и одновременно по всему пространству Вселенной. А потому, что получил задание от магистра «Приората Сиона» надежно спрятать от современников и будущих ученых источник и истинную природу поля гравитации и направить науку по пути отрицания Бога и обожествления самой вселенской материи. Возникает вопрос, а откуда же взялся «Приорат Сиона» на территории Европы и Англии и каким образом вроде не принадлежавший к королевской крови Исаак Ньютон получил высочайшую должность Навигатора «Приората Сиона»? Другими словами, есть ли правда в информации Сергея Салля о принадлежности Исаака Ньютона к «Приорату Сиона» или это просто миф и выдумка альтернативных ученых? Правда есть, и эта правда подтверждена моими исследованиями, которые я делал независимо от мнения альтернативных ученых, а опирался только на логику известных исторических событий.

В своих предыдущих работах я доказывал, что от допотопных времен до рождения Христа потомки атлантов восточной Атлантиды, объединенные с потомством Каина под именем «Приората Сиона», базировались на Ближнем Востоке. Эти данные легко добываются из текстов Ветхого Завета, а также подтверждаются такими известными западными авторами, как, например, Майкл Бейджент, Кристофер Найт, Роберт Ломас и др. Но эти исследователи умалчивали, чем занимались цари «Приората Сиона» на Ближнем Востоке. А они управляли еврейским народом от времен Авраама. До смерти испугали молодого Исаака сожжением на костре в виде жертвоприношения. Отобрали у взрослого Исаака его первенца Исава и забрали себе на службу. Принудили будущего патриарха Иакова 20 лет работать на представителя «Приората Сиона» по имени Лаван и родить практически всех своих сыновей в неволе, кроме младшего Вениамина. Они организовали добровольную депортацию племени Иакова в Египет. Постоянно там следили за ним, а сами потихоньку царствовали все это время в Едоме и Сеире.

Когда сочли нужным, подготовили Моисея через многолетнюю службу у священника Иофора, а затем направили его в Египет и вывели евреев из Египта. Они 40 лет руководили отбором и перевоспитанием еврейского народа, превращая евреев в послушных исполнителей своей воли. Все войны и депортации еврейский народ исполнял не по своей греховности или агрессивности, а по провокациям и замыслам царей «Приората Сиона». Почитайте Ветхий

Завет с открытым сердцем и душой. Я ничего не выдумываю, там об этой командной роли «Приората Сиона», занявшего место тринадцатого управляющего колена еврейского народа после смерти патриарха Иакова, сказано открытым текстом лишь с малыми умолчаниями. Цари «Приората Сиона» иногда по необходимости обновления крови вступали в родственные отношения с еврейскими женщинами царских династий, но никогда не допускали полного смешения и не идентифицировали свою царскую голубую кровь с кровью и духом еврейского народа.

Они готовили еврейский народ и ждали прихода Мессии в полной уверенности, что Иисус Христос станет их помощником и поможет им стать наследственными императорами Римской империи. Уже накануне прихода Мессии началась жесточайшая борьба за продвижение наследственных царей «Приората Сиона» к вершинам власти над Римской Республикой, а сама система римской власти триумвиратов, временных или пожизненных диктаторов, срочно переделывалась под наследственных императоров. Цепочки как бы независимых случайных событий в Риме, Египте и Иудее сливались в дьявольскую синхронность единого замысла. Анализ этого интересного периода истории Иудеи, Египта и Рима постараюсь изложить во второй части моей работы. Однако кровавая череда заговоров, самоубийств, убийств и гражданских войн внутри Римской империи не принесла желаемых результатов. Иисус Христос не пошел на поводу дьявольского духа и не стал помогать духовным сынам дьявола и тайным царям «Приората Сиона» приобрести неограниченную власть над земным человечеством. За это Иисуса Христа распяли, а после Его воскресения дух дьявола почувствовал страх за судьбу своих духовных сынов и переселил тайных царей «Приората Сиона» на территорию Галлии-Европы. После этого дух дьявола через половые сношения объединил потомство западных атлантов царя Приама с депортированными носителями голубой крови восточных атлантов и потомков Каина и получил обновленный и более прочный «Приорат Сиона» на территории Галлии. В честь этого события Галлия и была постепенно переименована в Европу. Примерно через 400 лет европейский «Приорат Сиона» был явлен миру в виде неизвестно откуда взявшегося рода Меровингов, их мажордомов и внушительных отрядов личной охраны. Произошел самозахват высшей власти над частью народов на территории Европы. Через право первой брачной ночи обычным половым путем Меровинги, а затем Каролинги и последующие царствующие династии «Приората Сиона» и их мажордомы стали активно плодить черную аристократию голубой крови, и через несколько столетий эта черная аристократия дьявольского духа стала главной доминантой управляющей финансово-политической, религиозной и научной элиты европейских государств, а также основой всего множества европейских тайных орденов и масонских лож, включая и «Приорат Сиона».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.